

ВАРЛОРД ДРАГО

АЛЕКС ДЕЛАКРУЗ

Annotation

Удивительно знакомый и в то же время чужой мир. Мир, где не было Второй мировой, и где в 2020 году высокотехнологичные армии корпораций спорят за мировое господство с владеющими магией аристократами.

Там ему было тридцать пять. Здесь нет и пятнадцати, зато проблем на все сто – ненависть неожиданных родственников, перечеркнутый бастардной перевязью герб, презрение окружающих и запретный дар, применение которого грозит смертной казнью.

Алекс Делаacruz

Варлорд. Драго. Том 1

Рука выглядела совершенно обычной. И, разглядывая новую бионическую деталь собственного организма, я даже поднял вторую руку, сравнивая оригинал с копией.

Если бы самолично не присутствовал вчера на ритуале, когда Саманта (спасибо ей за помощь) нанесла завершающий удар, я бы не сказал уверенно, какая именно из рук здесь настоящая, а какая бионическая. Даже едва заметные светлые волоски на коже идентично выглядят – присмотрелся я.

Меня – в разрезе всего происшедшего – как в прошлой жизни обитателя иного мира удивлял, кроме прочего, и уровень местных технологий. Ведь при всей внешней неотличимости в пользовании у меня сейчас оказался далеко не самый технологичный девайс из представленных на рынке аугментаций. Скорее, это был протез (если не знать о том, что над ним поколдовал Накамура) из серии третий сорт не брак.

Но даже этот недорогой (относительно более качественных) бионический протез, на мой взгляд, являлся самым настоящим чудом техники. Мало того, что искусственная рука неотличима от настоящей, так еще и возможностями превышает верхние значения усредненной оригинальной человеческой конечности. Подковы по дефолтным настройкам безостановочно гнуть не смогу, но даже с базовым программным обеспечением легко могу ломать что-нибудь. Палки там деревянные, кости... человеческие.

Весьма важное и нелишнее усиление организма.

Конечно, со своими средствами я мог себе позволить не просто аугментированный протез, а вырастить новую руку, но... новая маска – новые правила. Накладывающие определенные ограничения, не выходящие за рамки личности моей новой легенды ничем не примечательного политического беженца из Галицко-Волынского княжества.

Вздыхнув, я посмотрел в иллюминатор на поблескивающую далеко внизу водную гладь океана. И еще раз вздохнул. Вообще, когда тебе отрубают руку, ощущения... не очень приятные, так скажем. Особенно неприятно, когда это делает твоя невеста.

Не сказать, что я при этом получил непоправимую психологическую травму, но... Во время всего, уже семь часов продолжающегося, полета мысли постоянно соскакивали на совершенный нами с Самантой ритуал перемещения моего дара и части души в клинок кукри. Мои ментальные способности, позволяющие направлять мысли в любую сторону или даже вовсе включать состояние холодного разума, а также эмпатия ушли вместе с даром, и выключить навязчивые мысли я не мог. При этом с тоской и содроганием вспоминал отнюдь не испытанную боль и чувство физической потери.

Самое страшное к восприятию было то, что я стал обычным человеком. Как по ментальным, так и по физическим возможностям. И это по-настоящему опустошенное состояние было гораздо, даже многожды хуже, чем ощущение от потери руки. И от потери вместе с ней подаренного богиней ножа кукри, который я после Инициации уже воспринимал неотъемлемой частью своего собственного тела. Правда, понял это только сейчас, когда лишился возможности в любой момент заставить смертоносный клинок послушно материализоваться в руке.

Осознание потери своих невероятных возможностей жалило даже сильнее, чем память боли, а невозможность выключить докучающие навязчивые мысли приятности моменту не добавляла. Плюс к тому, кроме раздрая в душе, опустошенное от стихийной энергии тело

тянуло мерзкой слабостью, словно от накопленной после многочасового труда усталости.

Именно поэтому во время перелета я выбрал меньшее зло – сосредоточился на факте потери руки. А не на потере, добровольно-принудительной, дара владения стихией Огня, Демонического пламени, способностей к темным искусствам, а также усиленного восприятия эмпата.

Тем более пытался акцентировать внимание на потере руки, потому что прежнюю деталь организма заменил девайс, не то что не уступающий оригиналу, а значительно его превосходящий. И – в очередной раз не сдержал я невольного удивления – совершенно неотличимый. Потому что, отвлекаясь от мыслей об утере дара владения, я сейчас сосредоточился на сравнении ногтей. Заметив, что на ногтях пальцев протеза даже едва заметные заусенцы видны. Точь-в-точь как на моей второй, настоящей руке.

Пока изучающе смотрел на ногти, даже пробуя откусить один из заусенцев, двигатели самолета загудели иначе и в пологом развороте снижения он лег на крыло. И в иллюминаторе все обозримое пространство полностью заняла изумрудная лазурь спокойной воды южного океана, а буквально через минуту показался пункт назначения.

Остров Занзибар, часть архипелага Занзибар у юго-восточного побережья Африки. Это если о географии.

Если о политике, то сейчас я видел отдельный город-остров, автономный дистрикт Занзибар – часть территории Танганьика, находящейся вне юрисдикции ООН. Огромного, самого большого в мире протектората, управляемого совместной администрацией Британской и Германской Империй. Де-юре. Де-факто – находящейся под контролем транснациональных корпораций, часть которых действовала в интересах Британии, часть – в интересах Германской Империи, одного из локомотивов местного Европейского союза.

Самолет в пологом развороте со снижением выходил на взлетно-посадочную полосу. И под крылом уже довольно подробно можно было разглядеть немалых размеров остров. Шириной порядка двадцати километров, в длину – восьмидесяти. Воспринимать его масштабно, реально представляя расстояния, мне помогло сравнение с Санкт-Петербургом. Площадь у родного города, считая «пригородные» курортные и дворцовые районы, практически совпадает с островом.

Только Петербург границами согнулся дугой районов вокруг побережья Финского залива, а Занзибар – примерно равный по площади, более прямой, вытянутой формы. И, в отличие от зеленого пригородами и парками Петербурга, тропический остров в этом мире практически полностью застроен.

Занзибар в этом мире – это остров-мегаполис, превращенный в самый настоящий гигантский человек. Лишь в нескольких местах на его побережье, где земля не покрыта асфальтом и постройками из бетона, стекла и железа, виднелась по-южному яркая зелень, а песчаные пляжи омывала бирюзовая вода, на которой в маринах покачивались многочисленные яхты.

Красивое, если смотреть издали, и пропащее место.

В центре и на западном берегу острова, поднимаясь к южной его оконечности, полностью ее занимая, возвышаются кварталы небоскребов. Многочисленные здания, перевитые линиями монорельсов, забирающихся даже к последним этажам многочисленных башен. В северной и северо-восточной части острова – однотипные районы бетонных высоток, разделенные многоуровневыми магистралями, а ближе к берегу расположены «сточные районы» – трущобы, промышленные полигоны и мусорный город.

После Великой войны на карте мира, несмотря на мирные договоры стран-участниц, остались множественные спорные точки. Впоследствии практически все превращенные в протектораты стран и корпораций, будучи выведены из-под юрисдикции ООН. И протекторат Танганьика – одна из них.

«Пирог компромиссов», как его называли в дипломатических кругах Большой Четверки. Потому что во время сложных переговоров именно зоны влияния в Танганьике, огромной по территории части Африки, вот уже много лет были тем самым пирогом, от которого или британцы, или немцы могли себе позволить отрезать часть, отдавая соперникам на съедение в виде компромисса.

В Египте, где я вместе с Валерой и прочей титулованной компанией фестивалил в Хургаде, тоже присутствовала совместная администрация – британо-французская. Но Египет был не территорией, а государством и имел свое правительство. А также Суэц, Некромикон и выращиваемую им морковь, что гарантировало стране относительно безбедное и цивилизованное существование.

Танганьике подобное не грозило. Дело в том, что почти по всей Африке территории, кроме протекторатов, в основном были поделены на колонии – по большей части французами и британцами.

Немцы на континенте присутствовали лишь в Танганьике и, будучи ограничены мирными договорами Великой войны, стремились здесь закрепиться, превратив свои подконтрольные дистрикты протектората в образцовые территории. При этом ни британцам, ни французам продвижение немцев в Африке, мягко говоря, никакой выгоды не несло. Поэтому в Танганьике в других местах соперничающим британцам и французам африканскую экспансию немцев выгодно было совместно остановить и погасить на взлете.

Чем британцы, при поддержке французов, успешно и занимались. И весь огромный – вместе с материковыми территориями – протекторат Танганьика их усилиями стал за долгие годы соперничества колониальных держав настоящим воплощением Хаоса.

Глядя на увеличивающийся по мере снижения остров, я подумал о том, что нужно отличать архипелаг Занзибар и остров Занзибар. Архипелаг Занзибар – это география: семьдесят пять островов вдоль побережья Африки, в том числе три острова крупных: Занзибар, Пемба и Мафия.

Административное деление с географией не сходилось. Шестьдесят пять островов – дистрикт Архипелаг, туристическая зона в основном. Пемба и Мафия – также два одноименных дистрикта протектората Танганьика, каждому из которых принадлежали близлежащие острова. Все это – Архипелаг, Пемба и Мафия – были три дистрикта под совместным управлением британо-германской администрации.

Сам остров Занзибар, с несколькими небольшими островами-спутниками, являлся «отдельным автономным дистриктом». Отдельным автономным он был потому, что управлялся только чиновниками британской администрации. Вернее, нет, не так. Чиновниками британской администрации протектората отдельный автономный дистрикт практически не управлялся.

Если весь протекторат Танганьика был воплощением Хаоса в Африке, то остров Занзибар за последний десяток лет стал его квинтэссенцией. Британцы просто сделали из него сточную канаву, место ссылки неблагополучных элементов, кроме прочего, разгружая пенитенциарную систему в своих благополучных колониях. Опыт у них был на примере действий с каторжными колониями в Австралии.

На Занзибар, после того как он в результате соглашения перешел полностью под контроль британцев, в последние годы отправлялись не только сидящие и уже отсидевшие уголовники. По соглашению, часто вместо наказания, сюда ехали провинившиеся чиновники, военные преступники, даже обычные бандиты – в том числе те, кто заслуживал смертной казни. Но вместо плахи они летели на человеиник тропического острова потому, что, кроме преступлений, имели заслуги перед короной или вовсе свои преступления совершали в ее очевидных, пусть и неозвученных интересах.

Подобным образом по большей части возведенный в середине двадцатого века немцами город-остров, жемчужина восточного побережья Африки и когда-то самый крупный финансовый деловой центр сейчас превратился в настоящую клоаку. Причем клоаку, ярко блестящую остатками бывшего благополучия. В момент моего прибытия являющуюся самым настоящим воплощением концепции «High Tech, Low Life».

Высокие технологии при низком уровне жизни. При низком уровне, если, конечно, брать среднее по палате, – подумал я, глядя на вознесенные на километр вверх над землей обширные площадки многоуровневых висячих садов в одном из комплексов небоскребов. Зеленые этажи, закрытые куполами, с благожелательным микроклиматом внутри и воссозданной природой почти полностью накрытого асфальтом и бетоном города-острова.

Наш приземляющийся самолет пролетел довольно близко от комплекса небоскребов, так что под одним из куполов я увидел огромный бассейн с искусственными волнами, которые покорял одинокий серфер. А на белом песке пляжа перед бассейном я заметил несколько загорающих в шезлонгах девушек.

Картинка комплекса небоскребов мелькнула и исчезла, а самолет, уже выходя на взлетно-посадочную полосу, прошел над береговыми районами трущоб Джанктауна – мусорного города, или просто Свалки.

Когда колеса коснулись бетона посадочной полосы и загудели на реверсе двигателя, я выдохнул, как перед прыжком с высоты.

Еще немного, и начнем.

В первый раз я приходил в этот мир через парадный вход, попав сразу в высшее общество. Обладая огромным, просто невероятным потенциалом силы. Но при этом появился я словно в зоне тумана войны – совершенно не понимая, кто друг, кто враг и, собственно, что вообще вокруг меня происходит.

Но я справился. Поднялся до самой что ни на есть вершины Олимпа. Став элитой среди одаренных, самым настоящим *homo deus*, человеком божественным. Недостаток знаний при этом компенсировал огромной силой, которой я владел и повелевал.

Сейчас я, исчезнув как Артур Волков из прежней жизни на полгода, захожу в этот мир через черный ход. Не обладая ни прежней силой, ни даже тенью возможностей дара владения. Зато теперь со мной знания о природе происходящих вокруг вещей.

«А еще, возможно, – думал я, сжимая и разжимая кулак своей новой, неотличимой от обычной бионической руки, – для того чтобы стать элитой среди корпоратов, мне придется сделать шаг к тому, чтобы стать *homo bionicus*, человеком бионическим».

Этого, впрочем, мне совсем не хотелось: в прошлой жизни для меня зубной имплант-то был настоящим стрессом, а делать апгрейд всему телу... Нет, это определенно не тот путь самурая, который мне нужен.

Прокатившись по взлетно-посадочной полосе, самолет между тем сбросил скорость и довольно быстро подкатил к рукаву телескопического трапа. На выходе, уже в проходе рукава,

потоки пассажиров разделились. Настоящие люди, граждане двигались вверх, на верхние этажи терминала аэропорта. Их в самолете летело не больше десяти человек, и располагались они в огороженной передней части салона. Остальным путь предстоял вниз. В буквальном смысле – телескопический трап был двойным, и сразу после выхода из самолета красная дорожка повела нас под уклон, в проход для таких, как я.

Такие, как я, – это про неграждан, если что. Которых в салоне самолета находилась большая часть. Впрочем, и во время полета, и во время выхода из салона все вели себя донельзя прилично. Аэропорт – зона повышенного контроля, нарваться на неприятности в связи с «несовместимым с нормами общественного порядка поведением» и потерять пункты социального рейтинга здесь очень и очень легко. А пункты социального рейтинга – это не просто так. Для человека нижнего сословия это не просто комфорт существования, это вопрос выживания.

Через красный коридор проходов нижнего уровня идут неграждане. Унтерменши. Да-да, местами именно так здесь это и называется – протекторат Танганьика под совместным британо-германским управлением, и язык и местные термины здесь отличаются широким разнообразием. Слово «зимбабун», кстати, довольно широко известное в узких кругах в моем мире, тут тоже в ходу.

Двигаясь на выход одним из последних, не желая толкаться в узких проходах рамок, я по-прежнему думал о том, что сейчас захожу в этот мир с черного хода, но цель, озвученная Астеротом в его предложении, от которого нельзя отказаться, осталась прежней – взойти на самый Олимп. Только в этот раз взойти на самый Олимп, став элитой корпоратов. Получив право на...

– Give me your ID, – отвлекая от мыслей о глобальном, произнес сотрудник визового контроля, к будке которого меня вдруг довольно случайно вытолкнула смешавшаяся суетливая очередь.

Слово «пожалуйста», обязательное в обращении к гражданам, что характерно, он сейчас не произнес. Я же сразу протянул офицеру айди – белый пластиковый треугольник с цветной фотографией и черным выпуклым шрифтом на двух языках.

– What is the purpose of your visit to the Protectorate Tanganyika? – откинувшись в кресле, прокручивая между пальцами мой айди и даже не посмотрев на него, с ленцой поинтересовался визовый офицер.

Второй раз я самостоятельно и легально прибыл в протекторат, и второй раз я услышал дежурный вопрос: зачем я сюда приехал. И второй раз с трудом удержался от того, чтобы не ответить: «Конференция по новым компьютерным технологиям и защите компьютерных программ».

– Ай кайм ту Танганьика эс а политикал рефьюдж, – тщательно выговаривая слова, произнес я, глядя в маслянистые, чуть навывкате глаза визового офицера. Говорил сознательно медленно, с умело воссозданным акцентом румынского наркоторговца. Сообщив, что прибыл в протекторат Танганьика как политический беженец.

Постучав моим айди по столу, офицер на него, наконец, мельком глянул и глубоко задумался. Причины к задумчивости у него определено были. Потому что я сейчас никто и звать меня никак: у меня даже панафриканского или евразийского гражданства нет, не говоря уже о чем-то большем.

А политическими беженцами такие молодые парни, как я, просто так не становятся. Тем более политическими беженцами из Галицко-Волынского княжества в составе

Российской Конфедерации, которое буквально два месяца назад еще было Галицко-Волынским княжеством в составе Речи Посполитой, а до этого долгое время являлось выведенной из-под юрисдикции ООН территорией протектората Волынь.

В этом мире цифрового рабства, присущего второму и третьему миру, такая смена власти – просто подарок. Подарок для всех тех, кому нужна легенда для легализации, помогающая скрыться от своих прошлых прегрешений. Получив новую маску или даже новую, чистую личность.

И после чехарды двух ушедших администраций в страны, колонии и протектораты транзитом через Волынь и Галицию, покупая новые документы и личности, по всему миру сейчас хлынули те, кто когда-то где-то занимался не совсем легальной деятельностью. И хотел начать все сначала, с новыми, чистыми документами.

Но ехали и бежали из Галицко-Волынского княжества не только транзитом. И из Высокого Града, и из Лемберга уезжали в том числе те, кто либо уже заимел проблемы, либо вполне представлял такую перспективу в случае грядущего прихода русских к управлению. И, пока конфедераты полностью не взяли власть на местах, у осколков уходящей польской республиканской администрации можно было приобрести документы и легенды на любой вкус. Чем и воспользовался Моисей Яковлевич, подготавливая мое исчезновение как Артура Волкова.

Как правило, легенды таких «политических беженцев» были шиты белыми нитками и легко вскрывались даже поверхностной проверкой. Потому что куплены были мало того, что впопыхах, но и в том числе на «грязные» деньги. Что несло серьезный риск, ведь к качеству легенды продавшему ее чиновнику отсюда, с острова, претензий не предъявишь. Но, не прилетев на чужую территорию, не узнаешь, качественная легенда новой покупной личности или нет.

Так что искушение офицера под угрозой инициации проверки срубить по-легкому на мне немного дани лично себе на бедность было по-настоящему велико. Я это видел и даже ощущал, несмотря на потерю абсолютно всех ментальных способностей.

– Драго, – глянув на имя, еще раз постучал моим айди по полированной столешнице визовый офицер. Он сейчас напряженно думал, не обращая внимания на многочисленную очередь позади меня. Но очередь не роптала и даже не думала этого делать.

– Драго Младикс, – еще раз задумчиво произнес офицер, после чего достал из кармана носовой платок, обтирая выступившие на лбу капельки пота.

Вспотел даже от напряженного раздумья, надо же. Наверняка он подозревал, что я бегу из Восточной Европы в Африку совсем не оттого, что компрометирующие политиков сведения на стенах писал.

«Политический беженец», politicalrefugee – это очень хороший способ для того, чтобы скрыться от карающей длани правосудия. Хороший, но дорогой. И визовый офицер наверняка сейчас думал, стоит ли овчинка выделки.

Способ дорогой, а это значит, для того чтобы купить себе билет «политического беженца», у меня должны были быть деньги. И я сейчас могу как везти с собой кубышку с нетрудовыми сэкономленными и, самое главное, нелегальными, даже грязными деньгами, так и ехать полностью голым, без копейки. И вот это офицер и пытался понять, слушая собственную чуйку.

– What? – отвлекся вдруг пограничник, когда я его поправил.

– Драго Младич, сэр, – вновь повторил я, правильно произнося фамилию своей новой

маски личности. – Не Младикс. Младич.

Визовый офицер посмотрел на меня, откровенно поражаясь неслыханной наглости. Да, для только что прибывшего на благословенную землю протектората Танганьика унтерменша я вел себя крайне нагло. Особенно перед визовым офицером, ведь он здесь и сейчас – на воротах рая, царь и бог. Может ворота открыть, а может и закрыть перед самым носом.

Я же наглед сознательно. Мне бояться нечего, в отличие от замершей в ожидании очереди. Легенда у меня, усилиями Моисея Яковлевича (я в нем уверен), чиста, как слезы ребенка, а личный счет пока пуст, как холодильник бедного студента. С собой даже «коллекционных» монет из драгметаллов нет, которые выполняют функцию нелегальной налички.

И мне сейчас, если честно, даже выгодно, если офицер попробует меня остановить и стянуть лишнюю пачку кредитов. Потому что попытка выманить взятку визовым офицером может помочь в будущем. Ведь в нашем деле, как известно, мелочей не бывает, а лишний крючок никогда не помешает. Остров маленький, все друг друга внутри полосы берега знают.

Мой айди еще раз крутанулся в пальцах визового офицера, а после он прокатал карточку через терминал. Взяв из ящика небольшой футляр, привратник обетованной земли со щелчком положил его передо мной, так что я сразу заметил эмблему RODZ – Register Office for District Zanzibar, службы регистрации дистрикта Занзибар, которая здесь занималась всем тем, чем занималась Служба социальной адаптации в Высоком Граде: следила за гражданами и негражданами, контролируя их социальный рейтинг.

Внутри футляра были очки с дополненной реальностью, которые помогут мне ориентироваться в этом загруженном информацией мире. Очки, которые только что визовый офицер настроил на меня через айди.

– Welcome to the Protectorate Tanganyika, Драго Младикс, – возвращая мне айди с заметным зеленым квадратом в нижнем углу – активированным запросом на временную визу, произнес привратник земли обетованной. Его маслянистые, чуть навывкате глаза глянули на меня неприязненно: он чувствовал, что упускает, возможно, хорошие деньги. Но и рисковать не желал – чуйка на неприятности, видимо, сработала.

– Сэнк ю вери мач, – широко улыбнулся я.

«Арчибальд Крауч мл.», – мельком бросил я взгляд на его беджик, запомнил, а после потерял всякий интерес. Забрав футляр с очками и свою карту айди, одновременно работающую как паспорт, виза и кошелек, двинулся к выходу из зоны осмотра и визового контроля.

Когда вышел в холл терминала, даже остановился, обозревая обстановку. Несмотря на наличие немалого числа роботов-уборщиков, «нижние» помещения терминала воздушной гавани выглядели... не то что грязными, скорее неопрятными. При общем чистом и относительно ухоженном виде нижнего уровня я невольно обращал внимание на многочисленные детали того, что нахожусь в зоне для неграждан. Которые здесь были унтерменшами вне зависимости от цвета кожи. Единственное отличие, что черных неграждан здесь больше называли не унтерменшами, а зимбабунами, но делали это в целом без расовой сегрегации – и белых, и черных, и всех других цветов неграждан высокие сословия презирали одинаково небрежно.

В общем, без гражданства ты букашка, а с гражданством человек. Все по заветам.

Вот только сейчас на этот остров стерильного киберфашизма, в самую главную клоаку

среди территорий протекторатов этого мира пришел я. И, если у меня все получится, шаблоны будут порваны так, что не собрать, а тексты старых заветов придется переписывать.

«Неужели ты думал, что, попав в прицел высших сил, ты будешь решать лишь местечковые проблемы?» – спросил меня Астерот во время нашей последней беседы.

Нет, я уже давно так не думал. И сейчас, ступая на землю победившего киберфеодализма, настроился на то, что мне придется рвать устоявшиеся шаблоны и писать новые заветы.

А еще, как и обещал мне архидемон, я вскоре должен буду сделать самый главный выбор в своей жизни – выбор между добром и злом.

«Если, конечно, доживу до этого момента», – подсказал внутренний голос.

С таким настроением я и направился в сторону выхода в подземный туннель на парковку, где меня должны были встретить. Но, не доходя, свернул на полпути: мое внимание привлек широкий зал с фонтанчиком, который по периметру был окружен панорамной прозрачной стеной, через которую было видно летное поле, а за ним – возвышающиеся многочисленные небоскребы.

Присмотревшись, на вершине ближайшего комплекса из пяти башен я заметил те самые висячие сады, где у искусственного бассейна на пляже из настоящего песка сейчас загорали девушки в шезлонгах, а одинокий серфер покорял искусственно созданные волны из настоящей и чистой морской воды.

Осматривая сверкающий под солнцем высокий район острова-мегаполиса, я стоял довольно долго. Просто наслаждаясь последними минутами спокойствия. И от раздумий меня весьма небрежно отвлекли – схватив и бесцеремонно дернув за плечо.

– Хей, Др... – успел услышать я приветственный возглас до того, как пытавшийся столь невежливо меня развернуть человек неожиданно потерял сознание и начал оседать, падая. Но не упав: я вовремя успел шагнуть вперед и подхватить так неаккуратно ударившегося подбородком о мой кулак Василия Ндабанингу.

«Вася, ну зачем же ты так необдуманно себя ведешь!» – примерно так воскликнул я, уложившись, правда, всего в два слова, одно из которых было «Вася».

И с раздражением на глупость момента еще раз повторил второе слово, когда увидел появившихся, как чертики из табакерки, двух патрульных, быстрым шагом направляющихся к нам.

Один из полицейских держал в руке дубинку, второй достал из кобуры электрошоковый пистолет нелетального действия. Хотя это у него в паспорте так значилось, что нелетального. На самом деле в протекторатах, в Высоком Граде точно, патрульные ломали прошивку своим тайзером, увеличивая мощность разряда так, что подобным шокером вполне можно было убить. Здесь, думаю, местные патрульные нравами от патрульных Градской стражи не отличались.

– Что здесь происходит? – поинтересовался полицейский с дубинкой, глядя на меня через непрозрачное тонированное забрало, за которым светились два красных огонька активных полицейских имплантов.

– Сэр, это мой друг, сэр, – чуть приподнял я Васю, висящего у меня мешком на руках. – Мы давно не виделись, и я хотел его обнять, но, видите ли, получилось немного неудачно...

В этот раз я говорил на английском бегло и без акцента румынского наркоторговца, который исполнял для визового офицера. Потому что с патрульными ссориться в мои планы сейчас не входило.

Полицейский с дубинкой, похлопывая ей себя по бедренному щитку, внимательно осмотрел Василия, который был в характерном для бандита из сточных районов наряде: высокие шнурованные армейские ботинки, штаны с боковыми карманами и потертая куртка городского охотника.

Я, кстати, Василия тоже внимательно осматривал. Потому что на спине у него была изображена белая маска японского рогатого демона, скалящаяся хищной улыбкой. На спине обычно отображаются знаки принадлежности к бандам, и, видимо, кто-то из моей команды, подготавливающей мою новую легенду, придумал сделать нашим символом именно этого демона.

Интересно, кому же такая удивительная мысль в голову пришла.

Василий, кстати, уже – не без моей помощи – очнулся. Потому что, перехватывая его, устанавливая на ногах ровно, я нажал на одну из интересных точек на руке, после чего он моментально распахнул глаза.

– Вася-Вася-Вася! – резко произнес я, предостерегая Василия от необдуманных слов и действий. – Вася, скажи господам полицейским, мы с тобой друзья?

Обернувшись и окинув патрульных мутным взглядом, Вася понемногу начал всекать ситуацию и кивнул.

– Да, сэр, мы с камерадом Драго друзья, сэр, – не очень связно произнес он, обращаясь к ближайшему патрульному. – Я пришел встречать своего друга Драго, сэр. Произошло недоразумение, сэр, я, видимо, поскользнулся и... – говорил Василий медленно, как пьяный.

– И упал на его кулак, – голос полицейского из-под опущенного забрала звучал глухо.

– Сэр, я просто слишком по нему соскучился и слишком крепко обнял, сэр, – произнес я, опережая ответ Василия.

Патрульные переглянулись. Оба были из охраны аэропорта, а наряд Василия – знаковая для стоков куртка городского охотника – определенно симпатии им не внушал. Но разбираться с нами они не стали. Один из них показал мне неопределенный жест, что-то типа «я слежу за тобой», после чего оба развернулись и отошли.

Повезло. Пронесло.

– Oh, whaaat the fuck is go... o... o-o... o-o-o! – начал было повышать голос Вася, но я вновь сжал его руку, заставив пару раз вскрикнуть от боли.

– Василий, – оборвал я его стоны, отпуская руку.

– ...? – вопросительно посмотрел он на меня.

– Возьми себя в руки, подбери слюни и посиди, пожалуйста, тихонько пару минут, – убедительно сказал я ему и отпустил. Он вновь ойкнул, но даже сильно испугаться не успел, падая, так как приземлился задом на рядом стоящую скамейку.

Пока Вася, все еще находясь немного в прострации после нокаута, приходил в себя, пытаюсь постфактум собрать в ушибленной голове мысли в кучу и понять, что вообще произошло, я вновь обернулся к притягивающей взгляд панораме высотного квартала острова-мегаполиса. Еще раз внимательно осмотрев башни небоскребов, перевитые пружинами и лианами монорельсов, тяжело вздохнул. Понимая, что работу надо работать, а дела делать. Так что обзорную экскурсию пора прекращать и уходить.

Посмотрел и хватит.

Обернувшись и шагнув к Васе, я, каюсь, не удержался. Похлопав его по щеке, заставляя вернуться в чувство, поймал его руку. И, хищно улыбнувшись, посмотрел в глаза своему оруженосцу.

– Wake the fuck up, Samurai! We have a city to burn! – рывком поднимая Васю на ноги, произнес я.

Когда-то, среди другого времени и пространства, эту фразу голосом Киану Ривза произнес Джонни Сильверхед, поднимая Ви на ноги на свалке. Сказал он это в трейлере игры Киберпанк 2077, которую в той, в прошлой, жизни я ждал с самого анонса – с 30 мая 2012 года. Не дождался буквально несколько недель: игра, по обещанию поляков, которым я верил, после апрельского переноса железно должна была выйти в сентябре 2020 года. Я же, волею Астерота, прямо перед самым релизом, в августе, был перемещен в другой мир.

И тогда, почти полгода назад, я никоим образом не мог даже предположить, что через каких-то несколько месяцев сам окажусь перед огромным городом, мегаполисом, который мне будет необходимо в самое ближайшее время «поджечь».

Подняв на ноги Васю, я еще раз похлопал его по щеке, оборвав на полуслове, и бросил последний взгляд через панорамное обзорное стекло, обозревая футуристический пейзаж башен мегаполиса. Башен города-острова и отдельного автономного дистрикта самого большого в мире протектората, в котором я по воле и заданию Князя Тьмы Астерота за каких-то полгода должен стать если не главным, то одним из элиты местных корпоратов. Причем поднявшись не просто на самый верх, а за самый край неба, уйдя ввысь над облаками. Стать одним из управленческого звена корпорации Некромикон, причем сделать мне это нужно было, по условиям архидемона, поднявшись с самого социального дна общества.

Задача, очень мягко сказать, не из легких. Но когда меня это останавливало.

– Одежда моя где?

– В камере хранения, – Вася все еще не мог полностью прийти в себя, и, чтобы поймать меня взглядом, ему приходилось тщательно фокусироваться.

А я только сейчас понял причину: вырубил-то я его ударом бионической руки. Что, даже не в полную силу, привело к довольно серьезному эффекту.

– Машина?

– Ждет на стоянке.

– Василий.

– Драго?..

– Кто придумал вот это вот недоразумение на спине? – пальцем показал я чуть в сторону и вниз, будто ему за спину.

– Эм... маску демона?

– Да.

– Маску демона как эмблему банды?

– Да!

– Босс.

– Что? – не понял я.

– Что «что»? – уже не понял Вася.

– Вася... не тупи. Что «босс»?

– Это сам босс придумал. Наш босс, если ты понимаешь, о ком я, – заговорщицки посмотрел на меня Василий и показал пальцем вверх.

Ну да, по инструкциям от Моисея Яковлевича всем тем, кто ждет меня здесь, категорически запрещено произносить вслух «Артур Волков».

– Ах, босс придумал... – задумчиво протянул я, удивленно глянув на Василия.

О том, что я не Драго, а сам Артур, в принципе, никому из моей новой-старой команды, завезенной некоторое время назад на Занзибар, прямо не говорилось. Но для меня стало сюрпризом, что Василий об этом сам не догадался.

Ладно, не самый важный момент, пока проехали.

– Ясно... босс так босс, – оставил я на потом вопрос авторства столь кричащей и кичливой эмблемы. – Ладно, Василий, пошли, – развернулся я.

– Что? – не услышал Вася моих последних слов.

– Let's go, Samurai! – повысил я голос и двинулся к расположенной неподалеку камере хранения.

– Код?

– Девять-девять-девять-девять.

Когда я посмотрел на Василия тяжелым взглядом, он немного смутился, потупив глаза.

– Сам придумал?

Отвечать Вася не стал, а я набрал простой запоминающийся код. Открыл ячейку и вытащил объемную, но довольно легкую спортивную сумку, в которой находились предназначенные мне вещи.

– Так, Василий, – веско произнес я, осматриваясь в поисках значков навигации. – Жди здесь, – чуть погодя скомандовал я все еще находящемуся в полупрострации Василию, найдя искомое «WC» со стрелочкой направления на информационном щите. И, подхватив сумку, целенаправленно двинулся в сторону ватерклозета. Не потому, что природа звала его посетить, и не потому, что мне очень нужно было переодеться – я мог это сделать и по прибытии в конечный на сегодня пункт назначения.

Больше всего сейчас мне нужно было увидеть свое новое лицо. Иррациональное желание, но именно так – представляя, как внешне выгляжу, хотел выйти в свою новую жизнь в новый мир.

Вчера ночью, вернее, уже сегодня ранним утром времени взглянуть на результат работы хирурга (помогали ему неразумные неасапианты) у меня не было. Да и особой нужды не видел: мои антропометрические данные остались почти прежними, ощущения тела не изменялись. В отличие от того времени, когда я оказался в новом для себя теле Олега после переселения душ.

На самого себя нового в зеркале я успел посмотреть лишь мельком, после того как выбрался из восстановительной регенерационной капсулы. Но после того как приземлились, что-то вдруг накатило.

Именно поэтому, следуя стрелкам навигации, сейчас я оставил Василия на скамейке и направился в сторону ватерклозета. Который, несмотря на внешнюю чистоту, оказался переполнен, неопрятен и вонюч. Мне, впрочем, сильного неудобства это не доставляло – я в конце девяностых посещал общественные туалеты железнодорожных вокзалов по всей России, меня удивить сложно. Но вот новый «Артур Волков», принадлежащий уже высшему сословию этого мира и привыкший к стерильной чистоте императорских учебных заведений, нос внутри меня, конечно, брезгливо морщил.

В просторном помещении туалета толпилось довольно много людей (неграждан), сформировавшись в очереди к умывальникам. Для большинства из присутствующих это была одна из немногочисленных возможностей относительно по-человечески умыться. Даже помыться, не обтираясь при этом влажными салфетками из стандартного гигиенического пакета. И пока не закончилось разрешенное время на нахождение на территории терминала после прибытия, аэропорт покидать большинство не торопилось – пользуясь возможностью прикоснуться к недоступным негражданам благам цивилизации. К которым горячая вода, которая течет без лимита, относилась определенно.

Отойдя в угол помещения, я осмотрелся. Сумку поставил на пол – повесить оказалось некуда. И, резким жестом дернув молнию, осмотрел содержимое. Ботинки, штаны, ремень, смарт-браслет, толстовка, шейный платок и куртка.

Ни одного человека в шортах, кстати, здесь я не видел. Из прилетевших неграждан понятно – мы все летели из февраля Восточной Европы. Но местных тоже в шортах нет – тут так ходить просто не принято, особенности культуры.

В здании терминала жара незаметна – здесь прохладно, но за окном определенно пекло. На мне, к счастью, терморегулируемое белье, в котором даже с курткой жарко не будет. До белья я и разделся, сбросив свой цивильный костюм. И когда остался в одном тонком облегающем терморегулируемом белье, убрал прежнюю одежду в сумку. Оттуда уже извлек плотные штаны с боковыми карманами и книзу зауженные. После того как надел штаны, переобулся в высокие шнурованные ботинки, стараясь при этом не вставать на пол. Проявляя для этого чудеса эквилибристики.

И штаны, и ботинки были из комплектов (разных) экипировки городских охотников. Только уже исчерпавших свой ресурс и являющихся просто потрепанной одеждой из секонд-хенда. На ботинках даже автоматическая настройка не работала, пришлось вручную затягивать шнурки кустарно, но при этом умело – как будто изначально тут жил.

Шейный платок и браслет пока не трогал. Браслет нужно настраивать, интегрируя с базовыми очками от RODZ, которые я еще даже не надел, а за шейный платок как за часть гардероба, которой можно закрыть лицо, препятствуя работе системы распознавания, можно схватить серьезный денежный штраф с понижением рейтинга.

Так что последней из сумки достал куртку.

В прошлый раз, когда я прибыл по делам в протекторат, посещая Высокий Град, легенду прибытия мне создавали фээсбэтмены. Помню, как я тогда удивился их некомпетентности, увидев подготовленный мне для улиц наряд. Типичная экипировка городского охотника, но выглядящая новой с иголки – наряд, в котором на свободных от законов улицах Нижнего города я выглядел как новогодняя елка.

Сейчас ответственным за мою легенду новой маски личности был Моисей Яковлевич. И сделал все как надо – вся вышедшая в тираж экипировка была поношенной и достаточно потертой для того, чтобы, оказавшись в сточных районах города, из толпы я не выделялся, сверкая, как наряженная елка.

Хотя с елкой именно сейчас сравнение не очень корректное: в отличие от Высокого Града, здесь, на Занзибаре, в бандах бытует обычай подсвечивать экипировку неоном. И по краям воротника-стойки и рукавам тянулись полоски светодиодов. «Придется светиться», – расстроено подумал я, представляя, как будет выглядеть вся эта иллюминация в темноте, будучи активной. Не сверкать не выйдет – если буду не как все, буду выделяться, как человек в спортивном костюме на нудистском пляже.

В тот момент, кстати, когда я достал из сумки куртку и расправил ее, осматривая эмблему на спине, гулкий гомон в помещении стих. Мгновенно, как отрезало.

Лилась вода, фыркали умывающиеся люди, продолжилось несколько разговоров из-за закрытых дверей кабинок, но большая часть присутствующих замолчала.

С членами банд, будучи в своем уме, старались не связываться. Так что практически вся собравшаяся в ватерклозете толпа сейчас делала вид, что совсем мной не интересуется. Куртку, кстати, надевать не стал – померив ее, убедившись, что в размер, просто бросил обратно в сумку. Потянулся было к футляру с очками дополненной реальности – надо все же показаться в системе слежения и учета, но надеть их не успел: как раз в этот момент одно из мест освободилось.

Собрав с края раковины одежду, от зеркала отошел в сторону полностью голый и

сутулый рыжий... я бы назвал его «мужичком лет тридцати пяти». Своим видом рыжий напомнил мне оципанного цыпленка на витрине магазина. Причем не массивную и упитанную тушку мутантов с птицефабрик, а деревенского цыпленка – худого, выросшего на натуральном подножном корме.

Шагнув ему навстречу, я заметил, что рыжий держит одежду собранным кулем довольно небрежно. Рубашка у него из захвата рук почти вывалилась, один из рукавов волочился по мокрому полу. Но рыжий внимания на это не обращал. Он был пьян или даже тяжело обгашен – понял я, глянув в его стеклянные, красные от полопавшихся капилляров глаза. Или одновременно и пьян, и нагружен разными расширяющими... нет, в этом случае определенно сужающими границы сознания веществами.

А еще рыжий, похоже, был ирландцем: довольно характерные черты лица.

Освободившееся место между тем никто не занимал, давая мне возможность пройти. И, игнорируя очередь, я встал к свободной раковине. Не потому, что плохо воспитан, и не потому, что сильно тороплюсь. Без очереди я прошел потому, что мне по статусу не полагалось стоять в очередях.

Не полагалось с того самого момента, как я достал и примерил принесенную Василием куртку городского охотника, символизирующую мою принадлежность к вольным людям города. К бандам нижних сточных районов, если быть точным.

Жизнь в протекторате стоит недорого, и я, выбрав, пусть и не по своей воле, предложенный Астеротом путь самурая, свою на кон уже поставил. Никто в очереди принимать мою ставку не хотел. Впрочем, если бы были здесь те, кто, как и я, принадлежал к бандам сточных районов, в очереди бы они и не стояли.

Как только я подошел к зеркалу и едва успел глянуть в свое новое, такое незнакомое лицо, за спиной послышался шум. Обернувшись, увидел, как голый рыжеволосый ирландец упал, споткнувшись о робота-уборщика.

Запутавшись в одежде, отталкиваясь ногой от щеток остановившейся машины, рыжий ерзал по полу и громко матерился. Не очень связно и не понятно для меня – гордый воин Изумрудного острова или на гэльском разговаривает, или просто накидался до такой степени, что лыка не вяжет.

Я снова обернулся к зеркалу. И, не обращая внимания на фыркающего справа чернокожего, который намыливал курчавую голову, и азиата слева, который мыл в раковине ноги, теперь уже предметно и внимательно осмотрел нового себя.

Еще вчера я был худощавым светловолосым юношей, а сегодня превратился в темноволосого молодого человека. Мне немного добавили годов ко внешности, и выглядел я сейчас лет на восемнадцать-двадцать. Что вполне естественно – сейчас у меня нет дара владения, и без него меня даже в таком возрасте мало кто будет воспринимать серьезно. До определенного момента, конечно же.

Разглядывая свое новое лицо, я с удивлением заметил, что хирург сделал так, что определенно виделись знакомые черты прежнего Артура. При этом на себя старого я был неуловимо похож, и в то же время абсолютно не похож. Внешность моя теперь не была типично европейской – я походил на хафу, полукровку, которые рождаются от европейца и японки.

Довольно широкие скулы, миндалевидный разрез не по-азиатски крупных и серых глаз – даже потрогал и пощупал я лицо. А после вздохнул и провел рукам по прическе, чуть поправляя челку.

В ближайшее время с новым видом нужно будет что-то делать – дресс-код улиц, не терпящий «обычности», подразумевает. Так что мне нужно будет или фигурно выбривать виски и затылок, или делать пирсинг, или бить татуировки – в сточных районах вообще не возбраняется «украшать» себя всеми возможными способами. Даже более того – чем ты выше в иерархии, тем больше ты расписной.

«В Высоком Граде такого не было» – мелькнула мысль. Дистрикт Занзибар в этом плане вообще ярче, крикливее и кичливее, что ли. В Волыни всегда на первом месте стояла идеология прямого действия, здесь же, как понимаю, важны прежде всего распушенные перья – вспомнил я неоновую подсветку куртки.

Подобного счастья мне, если честно, совершенно не хотелось. Так что придется думать, как выйти из ситуации с меньшим уроном для собственного восприятия. В то же время соблюдая принятые нормы в обществе, куда мне вскоре предстоит опуститься.

Хотя... – задумчиво посмотрел я сам себе в глаза. Может, это и будет одним из тех шаблонов, что предстоит сломать для начала? Для разминки, так скажем.

От разглядывания своего нового лица меня отвлекли громкие возгласы и звук ударов. И когда обернулся, беззвучно выругался.

«Ну что за олень?» – расстроено подумал я, увидев, что наконец-таки поднявшийся на ноги ирландец избивает робота-уборщика.

Гордый житель Изумрудного острова был в нули пьян, но, несмотря на близкое к земле состояние, весьма умело наносил босыми ногами хлесткие удары покотившемуся бочонку робота-уборщика. Здесь, на территории аэропорта, подобное не относится к категории хороших затей, определено. Но, судя по всему, секрет прост: жизнь ирландцу определено не мила – вспомнил я его остановившийся остекленевший взгляд. Да и пинал робота он сейчас, ругаясь с визгливыми интонациями и брызгая слюной, а его стеклянные глаза вдруг разродились дорожками пьяных истеричных слез.

Катающийся вокруг робот-уборщик просто послужил триггером его нервного срыва. Таким и я ведь мог послужить, задень его случайно плечом. Впрочем, со мной ирландцу было бы не так просто, как с бедным беззащитным роботом.

В ватерклозете стало еще громче – несколько человек пытались увещевать слетевшего с катушек ирландца. Близко к нему, впрочем, никто не подходил. Рыжий же, ни на кого не обращая внимания, все громче повторял однообразный речитатив «факин-факин-факин», продолжая пинать попискивающий аварийной сигнализацией бочонок робота-уборщика.

Который, кстати, после очередного удара отлетел ближе ко мне. Ирландец бросился к нему, но поскользнулся на мокром кафельном полу. И, едва не упав, пытаюсь сохранить равновесие, побежал, начал шаг за шагом ловить ногами землю. Так часто пьяные делают – сил и координации хватает, чтобы не упасть, но не хватает на то, чтобы вернуть равновесие и остановиться.

Бежал ирландец, кстати, прямо на меня.

Чем просто мое новое положение в обществе, так это тем, что для общения часто лишние слова не нужны. Поймав рыжего – руководствуясь только утилитарными соображениями, чтобы он в мою раковину не ударился и кровью ее не залил, я вырубил его коротким хуком.

Бил на всякий случай левой рукой, а не усиленной аугментацией правой.

Но еще в момент удара уже более пристально посмотрел на рыжего. И увидел на плечах, груди и бедрах тонкие и свежие шрамы – весьма характерные, от удаленных имплантов. Так

что, нанося удар, уже был готов добавить и правой – простые люди так организм не нагружают. Но ирландцу одного тычка вполне хватило – глаза его закатились, и он обмяк. Я же подхватил его, как и Васю недавно, опуская на кафельный пол. Вдруг еще ушибется. И, по закону подлости, как раз в этот момент дверь распахнулась, и в ватерклозете появилась двойка патрульных.

«Какая неприятная неожиданность!» – только и сказал я про себя, уложившись в гораздо меньшее количество букв.

Ну как невовремя-то, а?

Хорошо хоть, это были не те патрульные, что удивились нашей с Васей встрече. Это я понял по номерам жетонов – так-то они в своей массивной экипировке все на одно лицо.

– Что здесь происходит? – поинтересовался полицейский, глядя на меня через непрозрачное забрало, за которым светились два красных огонька активных имплантов.

– Мой новый друг Райан поскользнулся, сэр, и упал на работа-уборщика, сэр, – ответил вежливо, чуть приподняв худого и нетяжелого ирландца, демонстрируя его патрульным, словно мешок с картошкой.

Еще один неприятный момент. Был бы я обычным, нормальным человеком, я мог бы сейчас рассказать патрульным все как было. Но я, надев куртку-униформу банд сточных районов, многие присущие нормальным людям возможности для себя вычеркнул из списка доступных. Так что по этике лиц рассказывать о поведении ирландца мне не полагалось.

Пришлось импровизировать.

Мой новый друг Райан, кстати, в тот самый момент, как я закончил говорить, неожиданно очнулся. Какой крепкий, пусть и выглядит как бледная веревка – удивился я.

«Надо было бить правой», – подсказал между тем внутренний голос расстроенно.

Ирландец же, прорывав что-то слюняво-нечленораздельное, осознал, что я его держу, и захотел вырваться и меня ударить. При полицейских бить я его не стал, просто отпустил и даже подтолкнул как надо. Так что, когда «мой новый друг Райан» ударился лбом о край раковины, получив для этого необходимый импульс, а после неудачно попытался пробить головой пол, он снова затих.

– Не Райан, а Брайан, – не очень внятно из-за глухого забрала проговорил вдруг полицейский. Ну да, ему ведь в интерфейсе дополненной реальности по желанию доступна вся идентификационная информация и о рыжем берсерке, и вообще о каждом из нас – из системы определения лиц.

– Что? – между тем переспросил я машинально.

И только потом понял, что я слишком уж нагло себя веду. Патрульный, впрочем, тоже, видимо, оторопел от моей наглости.

– Простите, сэр, – тут же исправился я, – эти рыжие все на одно лицо, сэр. И имена у них почти одинаковые... Мой новый друг Райан, вернее, Брайан не очень крепко стоит на ногах. А здесь так скользко, сэр. Прошу его понять и простить.

– Его зовут Патрик. Патрик О'Брайан, – глядя на меня красными огоньками имплантов, все так же глухо, но чуть более четко произнес патрульный, повысив для этого голос.

Похоже, я все-таки перегнул палку с наглостью и сейчас мне придется пройти вместе с патрульными. Страшного, конечно, ничего нет, легенда у меня железная, но... неприятно. Это не визовый офицер, который будет тянуть взятку, на чем его потом можно самого посадить на крючок. Эти патрульные подчиняются муниципалитету, и они просто закроют меня на пару часов. А если буду дальше дерзить, могут и на гораздо более долгий срок

упаковать. Просто потому, что могут.

Плюс здесь и сейчас только один: мне случившееся послужит хорошим уроком. А то привык бродить по миру в роли homodeus, пора спускаться и на грешную землю, со своей жалкой сотней социального рейтинга в активе.

В этот самый момент, когда я, подозревая настрой полицейских, немного приуныл, дверь распахнулась и в ватерклозет ввалился Вася.

– Хей, Драго! – прямо от двери крикнул он.

Видимо, Василий все же пришел в себя. Определенно он наконец собрал в голове мысли в кучу и пришел сказать мне, что ждет слишком долго. Зашел в сортир он, кстати, быстро, резко и дерзко – как полагается вести себя вольным свободным людям из сточных районов. И, распахнув дверь, Вася проскочил мимо патрульных, не сразу их заметив.

Оба полицейских же, едва Василий появился в ватерклозете, одновременно посмотрели ему на спину – на того самого рогатого белого демона. А после, к моему крайнему недоумению, неуверенно переглянулись.

– Кто-нибудь видел, что здесь произошло? – поинтересовался патрульный у собравшихся, показывая на робота-уборщика. Который уже поднялся и вновь катался по полу как ни в чем не бывало.

Ответа, кстати, патрульный, предпологаемо, не дождался – его взгляда старательно избегали. Он и не расстроился – коротко кивнул напарнику, и оба развернулись к выходу.

Оч-чень неожиданно. Ведь все те, кто должен был прибыть сюда до меня, по идее, должны были вести себя тихо. Где эта эмблема уже успела засветиться, притом настолько, что ее уже полицейские избегают? Васю об этом спрашивать лучше не стоит, правды точно не расскажет, но поинтересоваться обязательно нужно – сделал я себе в памяти очередную зарубку.

Впрочем, идеально ситуация все равно не разрешилась. Потому что у самой двери патрульный обернулся.

– Драго Младис. Проследи, чтобы твой новый друг... – сделал ударение на последних словах патрульный, – Патрик О'Брайан покинул терминал в отведенное ему время. И еще для тебя как для его друга важная информация: если Патрик О'Брайан совершит в округе Аэропорт правонарушение в ближайшие три дня, то мы привлечем и тебя, в солидарной ответственности.

«Отлично!» – возмутился внутренний голос. Потому что округ Аэропорт – это немалого размера район вокруг воздушной гавани, практически весь север острова.

– Конечно, сэр. Позвольте вопрос, сэр.

– Конечно, Младис. Задавайте.

– Почему три дня?

– Потому что мой тактический анализатор говорит о том, что, судя по внешнему виду, концентрация психоактивных веществ в организме твоего нового друга настолько велика, что только через три дня последние следы могут исчезнуть из его крови. Еще вопросы?

– Нет, сэр. Спасибо за ответ, сэр.

– Пожалуйста, Младис. Добро пожаловать в Занзибар.

Когда полицейские вышли, я коротко и с невысказанным вопросом глянул на Василия. А он также посмотрел на меня недоуменно, не понимая, что я от него хочу.

– Что произошло? – поинтересовался Вася после короткой паузы.

– Так, Василий, – проигнорировал я вопрос, показав на лежащего ирландца. – Вот это

тело нужно одеть и вынести отсюда, оно едет с нами. Займись, а я наконец умоюсь с дороги.

Вася надулся, но – памятуя о случайном наскоке на мой кулак, спорить не стал. И быстро организовал группу китайцев из очереди. Они, как муравьи, оттащили в сторону, а после обступили бесчувственного рыжего и принялись споро его одевать и обувать, собрав с пола раскиданную одежду.

Напоследок облокотившись на раковину, я снова всмотрелся в зеркало, запоминая нового себя. Забавно: лицо, изначально принадлежащее Олегу, а ныне князю Артуру Волкову, я воспринимаю уже как свое собственное. Хотя полгода не прошло, как сменил прежние тело и жизнь на новые. Задумавшись об этом, некоторое время простоял у зеркала, продолжая рассматривать себя и привыкая пусть к знакомой, но все же изменившейся внешности. Смотрел бы и изучал себя нового еще долго, но сжалился над истерзанным ожиданием Василием.

Дара у меня больше не было, эмоциональный фон других я больше не считывал. Но Василий за спиной сопел так демонстративно громко, что эмпатом быть не нужно, чтобы понять все его чувства. Поэтому, прежде чем Вася начал пытаться выяснять отношения здесь, я отвернулся от зеркала и двинулся в сторону выхода. На ходу только показал Васе на «нового друга», которого нужно взять с собой.

Василий, кстати, мое указание проигнорировал. Догнал он меня уже в коридоре и, останавливая, попытался схватить за плечо. Но – молодец какой – не схватил. Я даже увидел мелькнувшее смазанное движение и уловил колебания воздуха, но касания не последовало: Вася явно вспомнил, как закончилась предыдущая попытка.

– Хей, Драго, давай проясним один момент, – обогнал он меня и встал на дороге, преграждая путь. – Босс сказал тебя встретить, а не исполнять обязанности сиделки и носильщика. Только из уважения к нему...

Палец Василия, для пущей убедительности его слов, ткнулся мне прямо в грудь.

– ...у-у-уии... – негромко заскулил Василий, когда, перехватив за палец, я отвел его к стене. Здесь несильно, но хлестко ударил ему по печени, воспользовавшись распахнувшейся курткой. А после перехватил Василия за шею и поднял, прислонив к стене так, что мыски его ботинок чуть-чуть не доставали до пола.

– Василий. Я прекрасно знаю, что именно сказал тебе босс...

Говорил я негромко, но четко и убедительно.

– ...поэтому ты сейчас быстренько метнешься в туалет, заберешь того рыжего педика, причем сам, а не подрывая для этого остальных из случайной толпы, и догонишь меня. А если ты еще раз чуть-чуть забудешь, что именно... и какими именно словами сказал тебе босс по поводу меня, то я для освежения памяти сломаю тебе руку. Какую, можешь выбрать заранее. Потому что, когда я спрошу, левую или правую, если не ответишь сразу, я сломаю тебе обе. Это понятно?

– Понятно, – прохрипел Василий.

– Отлично, Уася, отлично. Ты просто большой молодец, я в тебе не сомневался, – разжал я руку, так что Вася приземлился, хлопнув ступнями по полу.

– Василий, – продолжил я говорить все так же негромко и убедительно. – А теперь повтори мне, что именно сказал тебе босс. Стой-стой-стой, Василий. Прямым текстом скажи, вот слово в слово.

– Босс сказал, что я должен слушать тебя как себя, и даже чуть-чуть больше.

– И... – ожидающе протянул я.

– А... – недоуменно промычал Василий.

– Василий. Если его благородие сказал слушаться меня как себя, и даже чуть-чуть больше, то это что значит?

– Это что значит? – недоуменно повторил Василий.

– Это значит... как ты должен меня называть?

– Простите, босс. Все понял, босс. Я должен слушать вас как его, босс, – накатило на Василия внезапное озарение.

– Не прокатило, да? – с сочувствием спросил я.

– Э... босс?

– В ресторане, в чеке среди прочего было написано «прокатило» и напротив сумма – сто кредитов. Когда я спросил у официанта, что это, он со словами «не прокатило» вычеркнул из чека левую позицию.

– Э... ясно, босс, – кивнул Василий, явно совершенно не поняв, в чем дело.

– Василий, – максимально усталым тоном произнес я.

– Да, босс?

– В следующий раз, когда что-то не поймешь, не стесняйся об этом сразу сказать. А сейчас быстренько метнись кабанчиком за ирландским телом и догоняй.

Посмотрев вслед Василию, я перехватил сумку, закинув ее на плечо. И подождал, пока Вася заскочит в ватерклозет и вывалится оттуда с рыжим по-прежнему бесчувственным ирландцем. Которого он, кстати, перехватил за специальную переноску на спине куртки.

А этот Патрик О'Брайан далеко не прост – подумал я. Мало того, что у него все тело в тонких шрамах от удаленных боевых имплантов, так он еще, одевшись, пусть и не самостоятельно, сейчас оказался в выцветшем тактическом костюме ЧВК, стандартном для стран песочницы. Только без знаков различий. Причем шевроны на его форме определенно присутствовали совсем недавно – на рукавах и на груди хорошо заметны пятна более темной ткани, которой не касалось солнце.

Мда, интересную личность подобрал – подумал я. После развернулся и двинулся в сторону выхода: неграждане выходили на улицу из здания терминала на дальней стоянке, к которой под землей вел длинный освещенный туннель.

Этот туннель являлся уже собственностью муниципалитета округа Аэропорт, а не дирекции аэровокзала, так что разительно отличался от светлых залов воздушной гавани. И здесь, едва я оставил позади порог коридора туннеля, уже начиналось социальное дно, нижний город.

Траволатор, который в теории должен был помогать преодолеть немалое расстояние до стоянки, не работал. И, наверное, из-за экономии электроэнергии он не работал с момента открытия воздушной гавани.

Свет в туннеле подземного перехода горел приглушенный, через одну лампу, а стены и потолок повсеместно расписаны корявыми граффити. Под ногами шелестел мусор, собранный частыми кучами возле стен, на некоторых из них валялись внешне похожие на человеческие тела.

Несколько раз я проходил мимо небольших стаек по три-четыре человека, явно караулящих возможность поднять по-легкому немного кредитов. Ирландец, кстати, мимо них самостоятельно в своем состоянии точно без потерь бы не прошел.

Но сейчас ни на него – в руках Васи, ни на меня никто из подземных крыс не посмел и глянуть. Это были даже не шестерки банд, а местная минусовая (из-за социального

рейтинга) шушера, а мою куртку они прекрасно видели и рисковать явно не желали.

Василий, который тащил ирландца как тюк, догнал меня лишь на самом выходе. И то потому, что я остановился на пороге тоннеля, вдыхая принесенный ветром настоящий воздух протектората – влажный и жаркий, пахнувший горелой резиной, с примесью вони застарелого мусора.

В туннеле система кондиционирования, в отличие от траволатора, работала, а здесь, на улице, в лицо мне дохнуло самой настоящей парилкой. Конечно, терморегулируемое белье у меня новое и рабочее, так что особого дискомфорта я не ощущал. Если бы не оно, думаю, моментально начал истекать потом под курткой и штанами.

Притащивший Патрика Василий тяжело дышал – запыхался серьезно. Что неудивительно: рыжий пусть и худой как веревка, но килограмм шестьдесят в нем есть. Все семьдесят, если приплюсовать одежду и явно непустой армейский вещмешок. В котором, кстати, гремело стекло бутылок. Это я услышал потому, что запыхавшийся Василий на выходе из туннеля споткнулся и едва не упал. На ногах он удержался, ругаясь на смеси русского, английского и африкаанс, но и Патрика, и его загремевшую бутылками сумку он уронил. И после и сам все же упал, не заметив изменение уровня земли из-за коварного поребрика.

Обернувшись, наблюдая, как смешались в кучу люди (2 шт., Василий и Патрик) и армейский вещмешок, я хотел было помочь Васе подняться. Но не успел – отвлекся, потому что услышал неподалеку знакомый голос.

– Таки зачем ты здесь, поц, зачем? Вали обратно на материк, там у тебя будет пальма, и там тебе не надо будет работать!

Глянув на знакомый голос, увидел примечательную картину. Дядюшка Абрам, он же Абрам Сергеевич Либерман, стоял у...

«Мать моя женщина», – удивленно воскликнул внутренний голос.

Потому что дядюшка Абрам, тот самый таксист из Полесья, который вывез нас с Анастасий из леса в окрестностях Слонима, когда мы бежали после покушения из Петербурга, стоял на асфальте стоянки у самой настоящей Волги 2410.

А нет, ошибся. Не Волга это – на шильдике эмблема, ну никак не напоминающая газель нижегородского автозавода. Чтобы понять, что за железного зверя перед собой вижу, я наконец достал из сумки очки регистрационной службы и надел.

Мелькнуло подтверждение идентификации радужки, медленно поползла полоска настройки; мда, программное обеспечение, установленное на девайсах по умолчанию, быстродействием не радуется. Хотя чего еще ждать от бесплатного обеспечения социальной службы – как-то я об этом не подумал даже. Вот уже действительно привык там, на небесах, в окружении царевен, княжон и принцесс, к хорошему, пора и отвыкать.

«Не жили богато, нечего и начинать», – ехидно подсказал внутренний голос.

Пока интерфейс дополненной реальности грузился, я слушал бенефис дядюшки Абрама, который отчитывал одного из таксистов. Молодой чернокожий парень высунулся из открытого окна пошарпанного минивэна, остановившегося в проезде.

Активно жестикулируя, он явно пытался рассказать дядюшке Абраму о том, что тот неправ. Видимо, дядюшка Абрам, подъехав прямо к выходу, занял «его» место, а таксисту это не понравилось. Тем более ему это не нравилось, что сейчас молодой таксист слышал в свою сторону довольно много нелестного.

– Здесь тебе таки нужно работать, крутить баранку, платить налоги, открывать двери

важным пассажирам и даже говорить им «пожалуйста» и «спасибо», а дома? Пальмы, бананы – рот откроешь, сами падают! Таки зачем ты сюда приехал, поц, скажи мне, наконец? Вали уже отсюда, зимбабун, давай, давай! – раздраженно махнул рукой дядюшка Абрам. – Будет он еще мне здесь указывать, где я могу ставить свою ласточку, а где не могу. Щ-щегол какой, а?!

Таксист, чтобы перебить оппонента, повысил голос, пытаясь вклиниться в монолог, но его попытка прошла незамеченной.

– В Африку, на пальму, блеать! – повысил голос дядюшка Абрам, показывая таксисту, в какой именно стороне находится Африка и пальма.

«Я сейчас выйду из машины и врежу тебе пару раз», – судя по мимике и жестике, сообщил рассерженный таксист дядюшке Абраму.

– Пару раз! Врежет он мне, да вы посмотрите на этого поца! Пару раз ты можешь у меня отсосать! – доверительно сообщил таксисту дядюшка Абрам. Показав тем, что в интуитивном переводе фразы таксиста я не ошибся.

– Ну все, конец тебе, – сообщил между тем таксист, повышая голос, начиная при этом жестикулировать активнее, но из машины выходить все же не собираясь.

– Найдет он меня! – в голос засмеялся дядюшка Абрам. – Напугал ежа голой жопой! Ты в следующий раз, прежде чем угрожать старому еврею, найди у себя хлебушек в голове, папуас, блеать, тупой! Смотри, как бы тебя раньше не нашли мои племянники! – произнес дядюшка Абрам, показывая на нас.

Мы с поднявшимся на ноги Василием и все еще повергнутым ниц Патриком стояли на открытом месте – выходящий из тоннеля тонкий ручеек прибывших в дистрикт нас обтекал по максимально широкой дуге. Так что не заметить нас было сложно.

Машущий руками таксист посмотрел по направлению взгляда дядюшки Абрама. И моментально замолчал. Закрыв рот он даже с хлопком, после чего моментально обратил все внимание на панель управления машины. Резким движением стукнув по приборной панели, таксист переключился на ручной режим и с коротким взвизгом резины покинул площадку перед выходом из тоннеля. И вообще уехал со стоянки у терминала.

Остальные таксисты, собравшиеся посмотреть представление вокруг машины дядюшки Абрама, тоже вдруг вспомнили, что у них есть много неотложных дел, и разошлись по сторонам. На нас никто из них прямо не смотрел, оглядывая только мельком, краем глаза. Один пожилой седовласый и будто высушенный солнцем таксист, как я заметил, вообще смотрел на нас через отражение в стекле, чтобы не привлекать внимание.

Интерфейс очков у меня между тем подгрузился, и я наконец увидел марку так похожей на Волгу машины. Это был Holden Premier, австралийский автомобиль. Неожиданно.

– Босс, что делать с телом? – отвлек меня от информации в дополненной реальности Вася.

– Кидай на заднее сиденье, – произнес я. – Здравствуйте, дядюшка Абрам, – поздоровался я с таксистом, который сферу деятельности после переезда менять и не думал.

– Это кто? – подозрительно поинтересовался тот, прищуренным взглядом глядя на Патрика. Поздороваться со мной он при этом даже не считал нужным.

– Я не знаю даже, – не стал я лукавить. – Поднял не глядя по дороге, так получилось.

– Так выброси!

– Не могу, местная полиция убедительно попросила меня за ним присмотреть, обещая в ином случае минус социальному рейтингу.

Ирландец между тем очнулся. Открыв глаза и обведя нас мутным взглядом, Патрик произнес что-то явно ругательное на гэльском. И, почувствовав возвращающуюся силу, он, как перевернутый на спину жук, начал размахивать руками и ногами, пытаясь подняться.

Василий, кстати, даже захотел было ему помочь. Но рыжий плюнул в него, невежливо попытался схватить, а Вася в ответ быстрым и резким ударом в челюсть заставил Патрика снова успокоиться. И, вновь перехватив за стропу переноски на спине, потащил к заднему сиденью.

– Вася, стой! – остановил Василия дядюшка Абрам. И деловым тоном скомандовал, садясь на водительское место: – В багажник его кидай, а то еще сиденья обоссят!

– А если багажник обоссят, не страшно? – поинтересовался я.

– Нет, – односложно ответил дядюшка Абрам, захлопывая дверь.

Действительно, в просторном багажнике, под потрепанным покрывалом, был расстелен толстый полиэтилен. Тщательно при этом укрепленный по стенкам. Боюсь даже представить, для чего он тут нужен.

Положив ирландца в багажник – пришлось его для этого немного сложить – я задумался. И, как результат, похлопал по нагретому на солнце металлу заднего крыла, привлекая внимание водителя.

– Таки что еще?! – раздраженно высунулся из открытого настежь окна дядюшка Абрам.

– А он не задохнется?

Идиша я не знал, импланта-переводчика у меня пока не было (и я не уверен, что туда можно загрузить идиш), но, судя по мимике и интонации, дядюшка Абрам после моего вопроса разразился ругательствами в адрес не очень умной молодежи.

Выйдя из машины, всем своим видом демонстрируя раздражение, он подошел ближе. Взял ирландца за подбородок, потрепал, оценивая степень беспамятства. И, видимо, сочтя ее достаточной (какой Василий хороший нокаутер), положил вещмешок Патрика рядом с ирландцем. Притом частично так, чтобы тот не давал закрываться крышке багажника, а потом намотал на нее изнутри бечевку и притянул, закрепляя. Теперь из-за мешающейся крышке сумки в частично закрытом багажнике оставалась довольно крупная щель.

– Поехали, – махнул рукой дядюшка Абрам, вновь занимая водительское место.

Гулко и раскатисто зарокотав мотором, похожая на баржу машина вывезла нас со стоянки, и мы сразу нырнули в очередной туннель. Асфальт здесь также был усыпан мусором, а стены размалеваны самого разного качества граффити – от кривой мазни до настоящих шедевров живописи.

Словно крысы, в основном под землей перемещаемся – подумал я невольно. И как оказалось, не ошибся: в дальнейшем узнал, что местные граждане, в основном благополучные обитатели верхних районов, именно так – rats, крысы, называли обитателей стоков.

Миновав туннель, Волга поднялась на идущий вдоль берега широкий виадук, такой же захламленный и неубранный. Здесь, под сенью пальм в кадках на широкой пешеходной зоне, слонялась куча самого разного ярко разодетого и разноцветного народа, продавая наркотики, удовольствия, себя, оружие, «грязные» деньги и поддельные документы – все что угодно.

Проехав буквально пару километров, мы по крутому повороту спустились вниз – и теперь ехали по дороге уже на уровне моря. Проезжая в обратную сторону под береговой магистралью виадука, по которому только что ехали.

Нешадно палящее солнце многочисленными зайчиками отражалось от невероятно яркой

лазури воды, но это было единственным светлым пятном в мире сточных, нижних районов города. Даже граффити здесь все были какие-то серо-мутные.

И, миновав полкилометра под сводами магистрали, проехавшись вдоль заборов заброшенных промзон, мы приехали. На Полигон (как неофициально назывался этот район стоков), в район Солнечный. Который начал строиться еще до того, как Занзибар полностью перешел под контроль британцев, став отдельным автономным дистриктом.

Пока Волга дядюшки Абрама, глухо порыкивая грязным бензиновым мотором, катила по району, я оглядывал разрисованные, местами разрушенные коробки щерящихся оконными проемами домов. И невесело улыбался. В протекторате Высокий Град я свой путь начал, в нижнем его городе, и в нижний же город другого протектората по итогу и приехал.

Причем приехал в весьма примечательное место: Солнечный строили немцы, и он должен был стать элитным малоэтажным районом, положив начало превращению промышленного района (здесь в девяностых из-за убыточности был закрыт полимерный завод) в райское место для граждан.

Но сразу после начала стройки Занзибар стал отдельным автономным дистриктом. И сначала новая администрация приняла решение построить на намывных территориях новую взлетно-посадочную полосу, так что самолеты, заходя на посадку, теперь проходили прямо над Солнечным. Спрос на дома, естественно, сразу резко упал. А уже после, добывая перспективы района, на месте корпусов закрытого завода решили создать рекультивационный мусорный полигон. Пусть полигон и предполагался «чистым», по последним технологиям, но элитное жилье рядом с помойкой никто в здравом уме покупать не собирался.

Естественно, район достроен не был, а немцы из администрации с острова и вовсе вскоре ушли. Европейский инвестор, зафиксировав издержки, вместе с ними остров покинул. А практически законченные дома высокого класса так и остались стоять коробками без коммуникаций в разной степени готовности. К одной из таких и привез нас дядюшка Абрам.

«Дом свободный, живите кто хотите», – вспомнилось мне классическое, когда я увидел «наш» новый дом.

Машина, въехав в автоматически открывшиеся ворота, остановилась, и я вышел на улицу. Не дожидаясь, пока Василий достанет из багажника Патрика, по выжженной сухой и утопанной земле – в которую без полива превратилась лужайка с газоном – двинулся к крыльцу явно обжитого дома. На парапете крыши которого демонстративно располагались два закрытых купола турельных установок охранной системы, по периметру забора тянулась колючая проволока, а на скатах крыши блестели солнечные батареи.

В доме, который на ближайшее время станет моим, сейчас собралась вся моя команда. Которая должна помочь мне стать элитой корпоратов, забравшись на самый Олимп власти всего контролируемого гидрой корпораций африканского мира.

Первым в моей команде был Войцех Ковальский. Отставной вахмистр Гвардейского Жандармского эскадрона, бывший сержант патрульной полиции Высокого Града и бывший опекун Олега. Он со мной сейчас потому, что его когда-то давно Елизавета попросила всегда быть рядом и помогать. Принцесса Елизавета, за которую, как я знаю, Войцех готов умереть. И он здесь и сейчас вместо Мустафы – который уже умер за меня в другом мире, во время вторжения демонов.

Войцех, когда я зашел, сидел на подоконнике и задумчиво курил, глядя на живописную

помойку за окном. Обернувшись на открывшуюся дверь, отставной вахмистр усмехнулся и приветствовал меня жестом руки с дымящейся сигаретой.

Вторым членом команды был Гекдениз Немец, он же датчанин. Моего прихода Гек не заметил, будучи через полущлем виртуальной реальности погруженным в мир Арены, судя по горячей на шлеме иконке.

Но сейчас Гек точно не в матче – на его уровне рейтинга матчи возможны лишь в капсуле полного погружения. Сейчас Гек, скорее всего, в оружейной разбирается с экипировкой или графиком ивентов или на форуме тиммейтов ищет.

Третьим в комнате и в моей команде был Чумба. Присягнувший мне на верность кровавый бурбон из Инферно. Кровавый бурбон, выведенный путем мутации костяного демона и человека. Мутант, в чьем теле на некоторое время нашел пристанище тысячелетний демон Мархосиас. И в момент своей смерти от руки Баала Мархосиас сумел оставить свою частичку души в разуме бурбона.

Чумба в тот момент, когда я зашел в комнату, завтракал – что характерно – сырым мясом. В принципе, почему нет – едят же люди тартар и суши. Жестом, зеркальным с жестом Войцеха, он тоже меня приветствовал. Только Войцех приподнял сигарету, а Чумба надкусанный шмат мяса, забыв о том, что тот у него в руках. Кроме этого, Чумба еще и встал на одно колено, потому что я для него был повелителем и он давал мне клятву верности на крови.

Как и Василий, кстати, – клятву верности на крови он мне тоже приносил. Как я ему и обещал еще в Архангельске.

– Ты чего по полу ползаешь, зверь? – раздался его звонкий голос.

Вспомни, как говорится, Василия, тот сразу и появится: сейчас он затащил в прихожую Патрика и мельком увидел, как Чумба поднимается с колен. Но не сильно обратил на это внимание – сдержанно ругаясь на африкаанс, Вася уже поволок рыжего ирландца по полу, устав таскать на весу.

И это – Василий, в смысле, четвертый мой спутник и компаньон. Который, в отличие от остальных, так и не догадался, что я – это я, а принимает меня за доверенного человека Артура Волкова.

Дядюшка Абрам Либерман, кстати сказать, в нашей команде присутствует опосредственно. Он зарегистрирован в верхнем городе как таксист и ответственен за официальную часть нашей деятельности, являясь – в будущем, по плану, для нас связным и координатором действий в верхних районах.

Это нужно потому, что специфика жизни в сточных районах такова, что, прежде чем мы все получим право на гражданство и билет наверх, причем именно таким образом, как этого хочет от меня Астерот, социальный рейтинг мы опустим далеко в минус. А в этом случае даже в некоторые районы и учреждения города нам будет не зайти.

Ну и, собственно, у собравшейся здесь команды был капитан – он же я. Многоликий Артур Волков (Артур Волков сразу дважды, потому что в разных мирах), он же Олег Ковальский, он же Олег Романов, он же Алексей Юсупов-Штейнберг, и он же, теперь в новой своей временно-постоянной маске – Драго Младич. И сейчас рядом со мной волею судьбы и Астерота оказались все те, на кого я мог безоглядно положиться.

Других таких людей (и бурбона), которым я могу доверять, у меня больше нет. Конечно, в Архангельске остались Зоряна и Барбара, но тащить девушек вновь в протекторат, тем более на самое его дно, я не готов.

Так что придется обходиться помощью Войцеха, Гека, Чумбы, Василия и дядюшки Абрама.

«Команда мечты в синем углу ринга!» – ернически подсказал внутренний голос.

В красном же углу ринга нас ожидал Баал, архидемон и повелитель тысяч миров. Которого, по замыслу Астерота, своими действиями мы и должны были убрать из-за стола игры высших сил в этом мире.

Вася, который как раз проходил мимо меня, в очередной раз споткнулся и, отпустив Патрика, разродился длинной тирадой, вновь виртуозно мешая английский, русский и африкаанс.

Я же в этот момент подумал о том, что Баал, который наверняка уже в курсе, что мы пришли на его территорию влияния по его душу, сейчас определенно напрягся.

Напрягся он, правда, скорее всего, сдерживая смех, но не суть.

Пока Василий оттаскивал ирландца в угол, сидящий на подоконнике Войцех кинул зажигалкой в Гека, четко попав тому по шлему. Вздрогнув, датчанин вышел из виртуальной реальности, явно собираясь возмутиться, но тут увидел меня.

– Господа, всем здравствуйте. Меня зовут Драго Младич... в этот раз меня зовут Драго Младич, и я собрал всех вас здесь для того, чтобы поджечь этот город.

– В смысле поджечь? – воспользовавшись паузой, поинтересовался Василий. – Весь?

«Молодец, Василий», – примерно так сказал я ему, только другими словами.

Не лукавил, кстати. Потому что Василий на самом деле молодец. И сейчас четко выполнил мое предыдущее указание – если что не понятно, не кивать, а спрашивать.

– Да, Василий. Весь.

– Прямо чтобы сжечь? Так у нас же не получится, город вон какой большой... или нам нужно будет парализовать работу пожарной службы? – Василий догадывался, что в моих словах что-то не так, но что именно, понять не мог.

– Парализовать работу пожарной службы нам, кроме всего, возможно, тоже будет нужно. И, если все же придется это сделать, проблем я не вижу – мы молодые, нас много, и мы к этому готовы. А сейчас, господа, давайте предметно обсудим положение дел и наши начальные позиции в этом прекрасном городе.

P.S.

Перед тем как начать общее собрание, необходимо было подготовиться. Поэтому я прошел к дивану и достал из кармана футляр с очками RODZ.

Гек, выполняющий обязанности главного по электронике, уже был рядом. Датчанин раскрыл матовый кейс с новым полушлемом виртуальной реальности, аккуратно его доставая. Отложив подготовленный и настроенный заранее шлем, Гек поставил на колени угловатый, противоударный лэптоп. Вытянув из корпуса провода переходников, один за другим он начал присоединять их к шлему.

Когда последний штекер со щелчком зашел в разъем, зашелестели стуком клавиши, поползли по экрану полосы загрузки софта. Гек в это время, даже, наверное, не замечая этого, закусил губу так, что она побелела.

Волнуется.

– Готово, – кивнул он, не отрывая взгляд от экрана.

После его слов я отвернулся – так, чтобы в поле зрения не попадали Гек с лэптопом и шлемом, и надел очки регистрационной службы. Замерев в ожидании, несколько секунд ждал, пока заполнится полоса загрузки, потом откинулся на спинку дивана.

Когда я закрыл глаза и показал поднятым большим пальцем, что готов, Гек зашел сзади и надел полушлем на меня, прямо поверх очков. Несколько минут колдовства и легкого шелеста клавиш клавиатуры, после чего датчанин успешно законнектил очки со шлемом через блок обманки – у меня только мелкая рябь перед глазами мелькнула. И почти сразу стало темно – Гек наконец опустил забрало.

Пока он окончательно настраивал девайсы, проверяя работу активной обманки, неподалеку послышалось пьяное бормотание – видимо, очнулся Патрик. Протяжно-визгливые возгласы наливались силой по мере того, как ирландец приходил в себя, но оборвались довольно резко, как выключили. Что характерно, звука удара в этот раз я не слышал.

Наконец Гек настроил все так, чтобы работало, и темнота перед взором зажглась яркими красками. Вокруг, в дополненной реальности, загорелись объемные надписи, приветствующие меня на вирт-Арене и предлагающие создать профиль.

На это ушло буквально несколько секунд – подтверждение создания аватара с соответствием моим антропометрическим данным и внешности, подтверждение пользовательского соглашения сразу с тремя отдельными дополнениями. Перед тем как перейти в ознакомительный режим тренировки, я жестом привлек внимание Гека и нажал на интерактивную кнопку Обучение.

– Готов? – спросил Гек.

Я в ответ только рукой махнул, побуждая его действовать быстрее. Потому что успеть выйти нужно было в процессе загрузки и еще до того, как в вирте я окажусь на тренировочной площадке.

– Снимаю, – предупредил Гек и резко потянул с меня полушлем.

Подобный аварийный выход из виртуальной реальности – без прерывания – довольно болезнен и неприятен. Как будто по ушам ладонями хлопнули. Но у меня получилось не вскрикнуть и сохранить неподвижность, ожидая вердикта Гека. Тот внимательно смотрел на экран лэптопа и после примерно минуты ожидания показал, что все в норме и работает:

я теперь для мониторинга RODZ нахожусь на вирт-Арене, обучаясь азам.

Все, восемь часов у меня есть – больше в вирте, при условии положительного рейтинга, проводить нельзя. После этого нужно будет «вернуться» под контроль слежения регистрационной службы.

А еще, пусть не за эти восемь часов, но в самое ближайшее время, хорошо бы найти грамотного специалиста-электронщика. Понятно, что такие кадры, как Элимелех или Накамура, на дороге не валяются, но заведующий электронными девайсами Гек – тоже не дело. Он хорош на арене как участник, а то, что он делал, сейчас даже более-менее подкованный эникей сделает в три раза быстрее и качественнее. Вот только лояльных специалистов на горизонте пока нет – они тут косяками не ходят в сточных районах города, так что придется терпеть работу Гека.

Приходя в себя после жесткого «выноса тела» из виртуальности, я немного посидел, поморгал, фокусируя взгляд. Когда реальность перед глазами полностью обрела четкие очертания, глянул на Гека. И обратил я внимание на внешний вид датчанина: узкое лицо бледное, на губе заметны следы от прикусивших зубов, на висках выступили капельки пота. Пусть он и не первый специалист в этом деле, но хотя бы относится ко всему ответственно – подумал я.

– Молодец, спасибо, – подбодрил я датчанина, хлопнув по плечу.

Все, пора переходить к делу. Теперь, когда глаз Большого Брата за мной смотреть перестал, настало время поговорить предметно. Но первым делом я огляделся по сторонам и нигде не обнаружил Патрика.

– Ввел ему успокоительное и снотворное, – пояснил Войцех, который сразу понял, что меня интересует. – Сейчас проспится, после его прокапаем, и к завтрашнему дню будет похож на человека.

– Отлично, спасибо, – только и кивнул я.

Вот нравится мне такой подход.

Поднявшись с дивана, я оценил состояние. Даже головокружения уже почти не ощущаются, что хорошо. Сделав несколько осторожных шагов, уверился, что тело работает как надо, и прошел в центр комнаты, где сел во главе стола. Чумба подошел ближе, но садиться не стал – мутант встал позади меня, прислонившись к стене – как будто телохранитель. Все остальные сразу подтянулись, занимая места за столом быстро и без лишних вопросов. Василий и Гек сели слева, Войцех справа, а дядюшка Абрам напротив меня.

– Сколько у нас денег? – на него я и посмотрел в первую очередь.

– Мало. Если чистых, то семь тысяч кредитов. Грязной криптой чуть меньше пяти, железа и монет нет вообще никаких, – ответил за него Войцех.

– Сколько у нас активных обманок? – поинтересовался я, глянув на Гека.

– Четыре.

Четыре – споткнулся на этих словах я. Чумба на Занзибаре находился нелегально, это понятно; а остальные – Абрам, Войцех, Вася, Гек... и я, – быстро осмотрел я присутствующих.

Пять человек. А обманок четыре.

– Меня здесь нет, – пояснил Войцех, – я пока за призрака.

Теперь ясно. Бывший опекун находится здесь и сейчас вообще без имени и без личности. Что-то, надо сказать, в этом есть. Некая определенная свобода.

– Сколько у нас мушкетов? – не удержался я от своеобразной формы выражения следующего вопроса.

– Что? – переспросил быстро Войцех, на которого я по-прежнему смотрел.

– В смысле сколько у нас рабочих единиц огнестрельного оружия.

После этого моего пояснения заметил, как Гек, дядюшка Абрам и Василий одновременно покосились на Войцеха.

– Три пистолета, один пистолет-пулемет, четыре вспышки, две осколочные гранаты и три полицейских парализатора, – произнес мой бывший опекун.

– Откуда дровишки? – не смог удержаться я от удивления.

Сразу Войцех отвечать не стал. Он прямо посмотрел мне в глаза, и я чуть погодя кивнул – не требуя пока ответа. Расскажет чуть позже, наедине.

Но имеемый арсенал внушает: здесь, на острове, политика по отношению к оружию у населения очень строга. Заключается она в том – как и в других протекторатах – что оружия у нижних и средних слоев населения быть не должно. Вообще.

В Высоком Граде действовали такие же правила, но там такая строгость законов не замечалась: нелегального оружия на руках у населения было в разы больше, чем здесь. Сказывалось, что близко вольный город Кобрин, пристанище наемных рот, где разжиться левыми стволами не составляло никакого труда. Здесь же город, во-первых, расположился на острове, во-вторых, полиция гораздо активнее борется с нелегальным оружием на руках у населения.

Естественно, на нижних уровнях мегаполиса оружие на руках у населения было – у крупных и авторитетных банд в основном. Мелкие банды, а также неавторитетная шушера в сточных районах перебивались холодняком и ручным творчеством по типу дубин и кастетов. Настоящее огнестрельное оружие здесь было редкостью.

Исключение на Занзибаре в строгости ограничения владения оружием делалось лишь для защитных систем – подобных той, что стояла на крыше занятого моей новой командой дома.

Так что Войцех, который за короткий срок сумел достать сразу целый арсенал, в том числе охранную систему, сделал большое дело. И неудивительно, что он не хочет об этом говорить при всех – может, обязательство какое на себя взял или заплатил весьма немало.

– Очень хорошо и, главное, защищенно устроились. Мое почтение, – только и прокомментировал я услышанное и увиденное.

– Если ты таки о турелях на крыше, то это муляжи, – вдруг фыркнул дядюшка Абрам. – Они выглядят и даже двигаются как настоящие, но стрелять не стреляют.

– Движение рисуют?

– Да.

– Уже очень и очень неплохо, – прокомментировал я. – Ладно, давайте дальше: что у нас с надзирающим глазом по району?

Снова все посмотрели на Войцеха. А тот уже со щелчком положил на стол таблетку проектора и активировал ее нажатием пальца. Над столешницей моментально появилось объемное изображение острова. Но большая часть районов – особенно на западе и юге, была закрашена белым цветом. Остальные, в большинстве имея детальные очертания, оказались подернуты серой пеленой. Яркие краски и детализация присутствовали в полном объеме лишь на нескольких северных районах карты.

Увеличивая понемногу масштаб, Войцех начал приближать изображение. Так, что, в

конце концов, в видимости осталась только часть округа Аэропорт – по большей части мусорный город, Джанктаун, «в подвале» которого и находился Полигон. «В подвале» – потому что на уровне моря и практически без солнечного света – сверху над нами сейчас возвышались перекрытия развязок островных магистралей.

Еще несколько движений, и Войцех просто смахнул, как стер, верхние уровни района, состоящие здесь больше из развязок транспортных магистралей. После этого мы наконец увидели Полигон – место, где находились сейчас.

Сразу после этого у меня вдруг пробежала ледяная волна мурашек по спине. Потому что жесты Войцеха точь-в-точь повторили действия Астерота, который недавно в своем замке показывал мне карту Занзибара. И, озвучивая мне предложение, от которого нельзя отказаться, архидемон точно так же, с абсолютной точностью движений, увеличивал масштаб, выводя в центр изображение мусороперерабатывающего завода.

Не в первый раз уже сталкиваюсь, но все никак не могу привыкнуть к этим дьявольским шуткам со временем.

Между тем Войцех, снимая наваждение, прекратил действовать зеркально, повторяя недавние движения Астерота. Он сейчас развернул и отцентрировал карту так, что наш дом оказался в середине изображения, а завод оказался в стороне. После этого Войцех сделал еще несколько скупых движений, активируя кнопки в виртуальном интерактивном экране. Полигон сразу окрасился в два основных цвета – серый и алый, ярко-красный. Но, кроме этого, по серым зонам во многих местах были расчерчены бордовые полосы.

При взгляде на карту даже без пояснений все было предельно ясно: серым обозначены территории, которые – в том числе наш дом – в радиус обзора объективов камер не попадали. Поле зрения систем слежения обозначено алым цветом; бордовые полосы же – маршруты облета полицейских дронов слежения. И по ним как раз сейчас двигалось несколько алых пятен – надо же, у Войцеха даже в реальном времени движение дронов слежения отображается.

– Это мониторинг дронов в реальном времени, – словно услышав мои мысли, коротко пояснил Войцех. – Это просто расчетное время их движения, рассчитывать на эту информацию как на стопроцентную не стоит.

– Jesus Christ! – в этот момент выдохнул Василий, откровенно пораженный подобной демонстрацией. Да и остальные не скрывали удивления – все же не каждый день видишь полную информацию по полицейским системам слежения в районе. Тем более системам слежения вокруг стратегического объекта – которым являлся мусороперерабатывающий завод. Полностью красный по периметру, окруженный полосой безопасности метров в триста от забора.

Мусороперерабатывающий завод. Тот самый объект, который мне и нужен в первую очередь: настоящее сердце северной части города-острова. Место, где сходятся трубы артерий...

«Ха. Ха. Ха», – с истеричным спокойствием произнес внутренний голос.

Хорошо – мысленно согласился я. Пусть будет не сердце. Пусть не сердце, но это именно тот самый черный ход, ради которого мы здесь собрались. И тот самый черный ход, через который нам предстоит подняться на самый верх этого города.

Именно мусороперерабатывающий завод превратил район Полигона в то, чем он являлся сейчас. Развитие района происходило довольно быстро, уместившись в десятилетие. И пройдя путь от несостоявшегося райского уголка до самого настоящего сточного дна: сначала

были претензии на элитный жилой комплекс, потом постройка дополнительной взлетно-посадочной полосы, последовавший далее уход немцев с острова, наложившийся на быстрый рост и стремительное расширение города. По мере которого район превратился в свалку.

Британцы всегда, на любом уровне, отличаются своеобразным юмором. Ну и предусмотрительностью, конечно, – права на землю у потерявших деньги на строительстве Солнечного инвесторов никто не отбирал. Поэтому сюда просто начали свозить мусор, не возводя никаких капитальных объектов. И сразу после перехода острова полностью под британский контроль район превратился в тот самый Джанктаун – мусорный город. И изначально мусор свозился сюда и перерабатывался с помощью ручного труда.

Но город-остров рос просто гигантскими темпами, и довольно быстро север острова стал задыхаться в мусоре. Дошло даже до того, что один из взлетающих самолетов поймал двигателем пару пасшихся на мусорных курганах чаек и едва не потерпел крушение. Проблема мусора серьезно назрела, ее необходимо было срочно решить, и в кратчайшие сроки на границе Солнечного поселка и аэропорта был возведен современный мусороперерабатывающий завод.

До момента его введения в эксплуатацию только в Солнечном на сортировке мусора было задействовано больше трех тысяч человек, которые здесь и жили. Но после того как завод запустили, они все остались без работы. А контролирующие мусор банды – без дохода. Потеряв серьезные деньги: при должном подходе мусор может приносить очень много золота. И этот доход после постройки завода только увеличился, но оказался сконцентрирован в одних руках. В руках корпорации Некромикон, которой все мусороперерабатывающие заводы на острове и принадлежали.

Естественно, факт того, что большое количество человек мгновенно осталось без работы и средств к существованию, для острова не прошел бесследно. Кое-кто даже решил немного набрать вистов в политической гонке, использовав ситуацию: спешно, за несколько дней созданный картонный профсоюз вывел людей на демонстрацию, проплаченные мусорными деньгами и заинтересованные в рейтингах политики выступили с громкими заявлениями. Но возмущение купировалось очень быстро и без лишних сантиментов: красный рассвет – так называли день, когда на второе утро протестов в Солнечном появилось несколько упакованных отрядов наемников.

Сначала бойцы без опознавательных знаков жестко разогнали протесты, а после прошлись кровавой косой по району, полностью выбив всех членов верхней и средней иерархии местных банд. Системы наблюдения, кстати, на всем севере острова в тот день не работали – произошел централизованный сбой, ждали окончания ремонтных работ. Из-за этого практически незаметным прошел тот факт, что трое политиков, поддерживающих протесты, неожиданно умерли – все трое случайно вышли из окон своих пентхаусов в небоскребах.

После устроенной корпоратами кровавой бани протестовать против работы завода больше никто не пробовал. Окрестности его опустели, оставив лишь застарелые горы мусора, в самое ближайшее время закрытые сверху широкими полосами магистралей. Еще одна, пусть и невольная шутка: теперь район Солнечный практически полностью находился под крышей транспортных развязок города и аэропорта, солнца будучи лишен.

Полигон же после всего этого стал ничьей землей. Здесь не имела влияния ни одна из банд. Просто потому, что Полигон никому из серьезных банд не был нужен – с земли нечего было брать. Если же претендовать на что-то серьезное, то последствия корпораты показали в

акции красного рассвета. А серьезное здесь присутствовало: в районе сконцентрировался просто нереально огромный доход.

Весь Занзибар, весь город-остров в последние годы оказался опутан системой труб – пневматического отдельного сбора мусора. Трубы со всего севера и части центральных районов вели сюда, на этот завод – один из трех на острове. Во всем городе больше не было привычных урн, а во всех квартирах, офисах и домохозяйствах находились специальные отдельные приемники для сбора мусора. Причем налог на мусор был весьма высок, особенно при перевыполнении отдельно дневной или месячной нормы. Возможность выкинуть мусор в приемник на улице также стоила каждому жителю довольно ощутимую сумму.

Получалось, что в городе-острове производить бытовые отходы жизнедеятельности – весьма дорогое удовольствие. Которое, без оглядки, могли позволить себе очень и очень немногие. И из этого факта выходила одна из непривлекательных особенностей Полигона: за небольшое вознаграждение специальными людьми предоставлялась услуга нелегального вывоза мусора – его привозили сюда и сбрасывали сверху, с магистралей. И этот летящий с неба мусор сейчас остался единственным естественным источником дохода для местных обитателей.

Так что вместо зеленых изгородей и изумрудных лужаек в Солнечном повсеместно высились горы мусора, а сверху то и дело летели черные плотные мешки. На которые, как рыба на корм, тут же налетали бригады местных мусорщиков. Потроша найденное и забирая все, имеющее мало-мальски ценность, оставляя на месте сброса груды невостребованного мусора.

В общем, это была самая настоящая клоака.

Но клоака золотая; не зря ассенизаторов в моем мире называли, а здесь продолжают называть золотарями. И на новом заводе, кроме переработки мусора, находились мощности по производству биогаза. Который создавался из органического мусора и в основном – из отходов канализации.

Высокие зеленые цилиндры «гнилых камер» возвышались стройными ровными рядами, занимая немалую часть завода. На них, кстати, как и на всем заводе, не было ни следа эмблемы Некромикона – зеленого трилистника, так похожего на привычный мне знак радиоактивной опасности.

На гнилых камерах, в виде схематичной эмблемы, была изображена фиалка: формально здесь, на Занзибаре, в части системы управления отходами работала дочка Некромикона – компания Viola. Фиалка, в переводе с латинского, что добавляло названию определенный флер, учитывая, что именно перерабатывалось на заводе.

В этом я, кстати, с менеджерами Некромикона был абсолютно согласен: не дело рисовать свою знаменитую на весь мир эмблему на канализационном хабе. Который, кстати, и дал название сточным районам.

Но по атмосфере на заводе Фиалок, если не быть в курсе, о роде его деятельности догадаться было невозможно – на производстве стояли современные системы фильтров. На улицах Солнечного воняло гораздо сильнее, чем у забора завода, куда стекалось все дерьмо и мусор с доброй трети острова. Просто потому, что канализация у большинства местных жителей отсутствовала.

Кроме того, именно окружающий район напоминал свалку, а сам завод являл собой серые комплексы, с идеальной чистотой вокруг и на территории. И даже с зелеными

газонами у административного блока.

Здесь, на территории завода, кроме всего прочего, находилась стоянка городских автобусов. На бензине на Занзибаре не ездила практически ни одна машина – лишь считанные единицы могли позволить себе столь дорогое удовольствие. Все машины коммунальных и муниципальных служб, частный, городской транспорт – все здесь ездили на биогазе.

«И каждый раз, заходя в туалет, каждый житель острова делает, так скажем, определенный вклад в обеспечение деятельности муниципальных служб», – совершенно не в тему подсказал внутренний голос. Причем подсказал с гнусавыми интонациями, словно нос зажимая.

Внимания я на это не обратил. Я сейчас смотрел на детально отображенный на карте Войцеха ряд расположенных внутри территории завода транспортных ангаров с эмблемами города-острова на крышах. Именно возможность получить доступ к маршрутным автобусам и заправочной станции, куда заезжали машины северных и центральных муниципалитетов, а также наливники из аэропорта, меня в первую очередь и интересовала в этом заводе.

Для всего остального города, для всех его и благополучных граждан, и вольных обитателей дна общества и нижних уровней свободная земля Полигона являлась клоакой – здесь было темно и грязно. Ни одной серьезной банды здесь не было, лишь имелась в наличии разрозненная уличная шушера. Зато для меня это сейчас вполне подходящее место, для того чтобы набраться силы и влияния, не ввязываясь сразу по прибытии в серьезные конфликты.

Естественно, этот план придумал я не самостоятельно – у меня просто не было достаточно времени на изучение Занзибара. Не было времени, и некому было даже такую задачу поручить. Но именно отсюда, рассказав предысторию района, дал мне указание начинать свой путь наверх Астерот.

Вот этим и необходимо заняться. Среди прочего поговорив с Войцехом наедине: его появление здесь для меня оказалось весьма неожиданным сюрпризом. Наверняка от Астерота, но нужно понять, как именно Войцех здесь оказался и чем занимался те полгода, которые мы с ним не виделись. Но прежде нужно разобрать все остальные дела, а после уже пообщаться с глазу на глаз с бывшим опекуном.

– Абрам Сергеевич, – повернулся я к старому еврею.

– Таки я.

– Сейчас вместе с Геком, вдвоем, едете в службу регистрации. Там подаете заявку на регистрацию некоммерческого благотворительного фонда «Рука помощи»...

При этих словах я невольно бросил короткий взгляд на свою правую руку.

– ...заявку напишете сами, думаю, труда не составит набросать пару листов канцелярщины. Единственное, что попрошу, укажите как миссию компании – нести разумное, доброе, вечное в массы. Мы пришли в этот город, чтобы забрать зло с улиц, перенести его в виртуальные миры, дав дорогу к нормальной жизни тем, кто в плохих районах города сделать этого не может. Что-то типа этого, желательно побольше сострадания, надежды и пафоса. Выполнимо?

В ответ на вопрос дядюшка Абрам только пренебрежительно фыркнул.

– Отлично. После этого получите уведомление о принятии на рассмотрение заявления о регистрации фонда, посетите филиал World of Wizzards. Там, предъявив уведомление о приеме заявления на регистрацию фонда, составите заявку на пятнадцать капсул полного

погружения. Лизинг нам не дадут, покупать будем деньгами. Под заявку на заказ оставите залог. Не думаю, что он окажется больше двух-трех тысяч кредитов.

– А деньги на то, чтобы капсулы купить, у нас будут? – тут же задал вопрос старый еврей.

Правильно задал – стоимость даже одной стандартной капсулы превышает сумму в десять тысяч кредитов. Вопрос был задан справедливый, но я его пока проигнорировал. Не люблю, когда меня перебивают во время постановки задачи.

– Из этих пятнадцати капсул, – интонацией я показал недовольство, – нужны десять стандартных и пять самых современных, подходящих для участия в киберспортивных соревнованиях самого высокого уровня.

– На острове нет филиала Виззардов, – покачал головой дядюшка Абрам.

– Есть официальные дистрибьюторы, не суть. Мне нужны капсулы именно от них, третий сорт не подойдет.

– Здесь высокая наценка, мы за капсулы Виззарда переплатим по двойному, если не больше, тарифу.

– Неважно, у нас в планах хороший спонсор, – отмахнулся я. – Не на свои берем. Итак, после того как вы составите заявку на заказ капсул... прошу сделать это по всей форме, чтобы не было повода ее вернуть из-за ошибок, вы направитесь в... какой здесь есть хороший магазин стройматериалов?

– На острове только В&Q.

– Отправитесь в В&Q. Там, как обоснование, предъявите свидетельство о регистрации заявки на создание некоммерческого фонда и заявку на рассмотрение покупки капсул полного погружения и приобретете самый разный шанцевый инструмент и стройматериалы. Для того чтобы сделать необходимый ремонт в этом здании. Тех денег, что есть, должно на это хватить. Выполнимо?

– Конечно, – кивнул дядюшка Абрам.

Заявка на регистрацию некоммерческого фонда и уведомление о залоге под заявку на покупку капсул для строительного магазина В&Q нужны были не просто так. Здесь, в протекторате, да и не только здесь в этом мире, ремонт и любые строительные работы без предварительного согласования не проведешь. В хороших районах, конечно, – настолько в этой сфере все зарегулировано.

В плохих районах никто тебя ограничивать не будет, все равно территория «нижнего города» повсеместно является выведенной с городского баланса, но даже на покупку смесей, краски или на аренду электроинструмента необходимо разрешение или обоснования.

– При покупке стройматериалов и инструмента ориентируйтесь на то, что первоочередная цель не ремонт этого дома под помещения некоммерческого фонда. Наша цель состоит в том, чтобы прорыть тоннель отсюда, – показал я на дом, в котором мы сейчас находились, – вот сюда.

Палец мой скользнул по объемной карте проекции и показал на утопленные в землю ангары автобусного депо.

Вопросов никто не задал: зачем копать тоннель к мусорному заводу, и так ясно.

– Гек.

– Босс.

– Я еще не уверен, нужно ли тебе принимать участие в возможной нашей противоправной деятельности. Поэтому перед тем, как с Абрамом Сергеевичем поедете по

заявочному маршруту, напечатай себе приличную и цивильную одежду. Может быть, тебе придется остаться наверху, пока мы внизу будем решать возникающие проблемы и отвечать на поставленные ситуацией вопросы.

– Понял, – только коротко кивнул Гек.

– Василий, – обернулся я к оруженосцу.

– Босс, – мгновенно вскинулся Вася.

– Твоя задача. Пройди по району, собери местных подростков от двенадцати до шестнадцати с околонулевым рейтингом и объяви набор в новую команду... ну, пусть будет Полигон, – с ходу придумал я название. – Скажи приходить завтра в обед, в пятнадцать ноль-ноль, на первое собеседование сюда. Собеседование будем проводить мы втроем. Я, ты и Гек. Ты, – повернулся я к датчанину, – будешь тренером команды. Как только мы тоннель пророем, лавочку именно здесь можно будет закрывать, и после, может быть, получится тебя отсюда вывезти. Посмотрим по ситуации. А благотворительный фонд с командой из бедной молодежи никогда лишним не будет.

– Понял, – вновь коротко кивнул Гек.

– Это все. Василий, ты можешь идти. Вы, Абрам Сергеевич, также можете отправляться по делам, – повернулся я к старому еврею. – И, отвечая на ваш предыдущий вопрос: да, деньги у нас будут. И как именно их заработать, мы сейчас подумаем вместе с Войцехом.

Дядюшка Абрам и Гек поднялись, но задержались. И сделали это, глядя на Василия, который остался сидеть.

– Босс... – не очень уверенно протянул он.

– В чем проблема, Василий?

– Можно мне... пистолет?

– Зачем?

– Ну... босс, я же по району иду... гулять.

– С пистолетом по району гулять каждый дурак сможет, – машинально фыркнул я, думая о другом.

– Босс, я должен ходить по району один?

– Да.

– Босс, простите меня, пожалуйста.

– За что?

– Я не знаю, за что, босс.

– Василий... – не очень понял я появившиеся нотки в Васином голосе.

– ...За дерзость, за излишнюю наглость...

– Вася! – хлопнул я ладонью по столу.

– Я обещаю, я больше не буду, босс, – шепотом договорил Василий.

– Что не будешь?

– Что скажете, то и не буду, босс!

– Я не понимаю причину твоего...

– Он боится идти в одиночку в серый район, – соединяя наши разные уровни беседы, вдруг пояснил Войцех, усмехаясь.

– А-а-а... – начал я понимать. – Вася!

– Да, босс...

– Научись смотреть на проблему с разных углов. Куда ты сейчас идешь?

– На улицу, босс.

– Отлично, Василий, это просто прекрасный ответ. Зачем ты туда идешь?

– Пройти по району, собрать местных подростков от двенадцати до шестнадцати с околонулевым рейтингом и объявить набор в новую команду Полигон. Сказать приходить всем сюда завтра в пятнадцать ноль-ноль, на первое собеседование.

– Красавец, Вася, все четко запомнил. Четко-четенько даже, как говорил один мой коллега. И...

– И... – не понял, к чему я веду, Василий.

– Ты идешь делать гоп-стоп, толкать дурь или убивать конкурентов? – попробовал я стимулировать его мыслительный процесс.

– Эм... нет.

– Ты идешь на противоправную деятельность?

– Эм... нет.

– Так кто мешают тебе снять с головы обманку и надеть очки от RODZ?

Судя по расширившимся глазам Василия, о таком варианте действий он даже не подумал. Действительно, в самом нижнем районе не найдется ни одного идиота, который решится на противоправные действия в адрес человека с активной системой слежения от социальных адаптантов. Или регистраторов, как называли таких работников здесь.

– Работай, Василий, – напутствовал я его на прощание. – С пистолетом ты, пока не видишь такие очевидные пути решения проблем, непредсказуемо опасен. Давай немного погодим.

Больше никто не сказал ни слова. Вася, дядюшка Абрам и Гек вместе поднялись и вышли из дома.

Мы с Войцехом некоторое время сидели и молча смотрели друг на друга. После этого я глянул на Чумбу. Мутант понял сразу – кивнул и вышел из комнаты.

– Ну, здравствуй, – повернулся я к Войцеху.

– Здравствуй, – кивнул он, внимательно на меня глядя.

В этот момент я даже порадовался, что у меня закончились способности эмпата.

Последняя наша с Войцехом встреча, когда он стрелял в меня, а я в него, состоялась в Высоком Граде, у кровати Шиманской. Но вспоминать об этом мне сейчас не хотелось. Тогда каждый делал то, что должен был делать. Наверное, не очень удобно будет вспоминать об этом и Войцеху.

Глубоко вздохнув, я начал говорить.

– Я был очень сильно расстроен фактом твоей смерти, – тщательно подбирая слова, произнес я. – Все же не каждый день теряешь отца.

Войцех ничего не сказал. Молчал и смотрел сквозь меня. А я в этот момент огорчился, что у меня закончились способности эмпата.

– Я очень благодарен тебе за то, что ты вложил в меня четырнадцать, почти пятнадцать лет своей жизни, научив... многому. Но. Чтобы не было недосказанности, я сейчас, нынешний я – это уже совершенно другой человек. О поступках моих и деятельности ты наверняка слышал. Но отличный от того, которого помнишь ты, я еще и по специфике осваиваемых мною последние полгода искусств... самых разных. Если ты, конечно, понимаешь, о чем я.

В иные времена, а если конкретнее – еще позавчера, я бы добавил Тьмы во взгляд, заставив глаза стать непроглядно черными. Сейчас же дара больше у меня не было, поэтому ограничился лишь интонацией.

Войцех, судя по ответному кивку, понимал. Но, определенно, понимал мои слова он не до конца, не зная всей подноготной и истории вопроса.

– Я знаю, почему именно все эти годы ты был рядом со мной. Я имею в виду, знаю настоящую причину, – решил я его просветить.

В ответ Войцех лишь скривил уголок губ в легкой усмешке. Не принял всерьез. Зря – потому что мои последующие слова заставили его лицо вытянуться.

– Я общался с матерью, и... мы стали довольно близки, так что я могу говорить за нее. Обещаю, что она освободит тебя от данного тобой ей обязательства присматривать за мной, если ты будешь рядом в ближайшие полгода.

Глаза Войцеха расширились, а сам он мгновенно побледнел. Разумом он пока не верил в услышанное, но понимал, что сказанное мною – правда. Я же продолжил его удивлять:

– Видимо, ты не совсем полностью осознал сказанное, когда я упомянул, что стал другим человеком. Надеюсь, теперь отнесешься серьезнее. Чтобы ты знал: те, кто пытался убить мою мать, а после меня, определенно ее, да и меня тоже, недооценили. Она жива. Я... ну, сам видишь, тоже. Более того, мы с ней разговаривали в последний раз несколько дней назад.

Войцех в этот момент побледнел еще больше, а я вдруг понял причину его волнений. Понял, несмотря на отсутствие способностей эмпата, и поспешил его успокоить:

– Насчет тебя и причины, по которой ты находился со мной рядом, она рассказала лишь то, что просила за мной присмотреть. Почему ты выполнил эту просьбу после ее якобы смерти, она раскрывать не стала. Сказав, что это тайна лишь твоя и ее. И ты сам, если будет на то желание, мне об этом расскажешь.

Поиграв желваками, Войцех молча кивнул.

– А сейчас расскажи, пожалуйста, каким образом ты сюда попал и как смог получить в короткие сроки сразу столько оружия и информации.

Мне действительно это было весьма интересно. Потому что я никак не предполагал здесь увидеть Войцеха. Астерот, конечно, предупреждал, что, кроме самолично отправленных мной Василя, Чумбы, Гека и дядюшки Абрама, здесь окажутся еще помощники, но вот то, что это будет Войцех, – определенно приятный сюрприз. И да. Астерот ведь говорил о случайных помощниках. Во множественном числе. Войцех – первый. Интересно, относится ли к группе волонтеров от демона подобранный мною в аэропорту Патрик?

– Два месяца назад, во время проведения рядовой операции во Флоренции, возникла нештатная ситуация. В результате я, так скажем, решил «погибнуть»...

Флоренция, два месяца назад – и я даже знаю, что там была за нештатная ситуация – вдруг догадался я.

– ...за тобой присматривать больше не было нужды, долг царю и отечеству я уже давно отдал сполна, так что решил оставить службу, отдохнуть и немного пожить для себя.

До этого, как ты знаешь, мы много лет работали в паре с Мустафой. И он так же, как и я, решил отойти от дел. И мы уже давно приняли решение, когда раскидаем все обязательства, перебраться сюда, на Занзибар. По нашей договоренности я прибыл сюда, но Мустафы здесь не оказалось.

– Он умер, – коротко ответил я после вопросительного взгляда Войцеха.

Глаза бывшего опекуна расширились, а лицо окаменело. Повисло тяжелое молчание, и я счел нужным пояснить:

– Слышал же о... вторжении демонов?

– Да. Даже видел, – добавил Войцех, а я понял, что моя догадка о возникшей «нештатной ситуации» оказалась верна.

– Вторжение происходило одновременно по всему миру, сразу в нескольких точках. Женева, Фамагуста, Лима, Флоренция, Джакарта, Салем, Прага, Елисаветград, еще пара городов. Везде, кроме Салема и Елисаветграда, удары были отвлекающими. Да, несмотря на внешний результат, – кивнул я в ответ на недоуменный взгляд Войцеха.

Его удивление понятно: все остальные города, в отличие от Салема и Елисаветграда, демонов на улицах увидели. Разрушения же в Салем принесли произошедшие на фоне вторжения столкновения ведьм и инквизиторов, а в Елисаветград – сепаратистов и конфедератов. И ни одного демона в этом не участвовало, все полегли на входе, в Инферно.

– Да, именно в Салеме и Елисаветграде пытались прорваться основные силы орды, и именно в этих городах они были остановлены перед самым входом. Очень большой ценой – в Елисаветграде рядом со мной был Мустафа, и он спас мне жизнь. Мне и очень-очень многим в этом мире.

– Вот только об этом никто не узнает.

– Ваша служба и опасна и трудна, вы сами на это подписались. Но... почему бы и не да? Если мы захотим, об этом узнают многие и многие.

– Семья Мустафы, уверен, хотела бы, чтобы люди знали, как и за что он умер.

– Все в наших руках. Рассказывай дальше.

– Вместе с Мустафой именно этот район мы рассматривали для того, чтобы первично здесь, на острове, осмотреться. Рассматривали именно этот район и именно этот дом как наиболее выгодно расположенный, – невесело усмехнулся Войцех.

Я тоже хмыкнул, не удержался – оттого что хорошо видна дьявольская рука планирования. Астерот направлял меня на Занзибар, но направлял он словно в сторону буйков, которые занимали свое место сами.

– ...И когда я сошел на берег, здесь, в этом самом доме, обнаружил твоих датчанина, мутанта и мужа.

Не сразу я понял, что мужчином (turzyn), чернокожим по-польски, Войцех назвал Василя. Помогла память Олега, оперативно подкинувшая воспоминание.

– Нам потребовалось совсем немного времени, чтобы найти общий язык. Тем более что датчанин меня узнал и подумал, что я здесь нахожусь по твоей воле. Он рассказал, что они все вместе прибыли сюда для того, чтобы первично осмотреться и найти пути для того, чтобы иметь возможность подняться в иерархии нижнего города. Причем сказал он это слово в слово с тем, как озвучивал эту задачу Мустафа. Я же... с некоторых пор не очень верю в совпадения, а верю в предназначение. Так что, услышав от датчанина их цель появления здесь, понял: моя служба панне еще не кончилась.

Я только покивал, прекрасно понимая, что то самое предназначение, в которое верит Войцех, имеет конкретное имя. И звучит оно так: Астерот, Князь Тьмы.

– Насчет оружия, – продолжил между тем Войцех. – Гек сказал, что получил от тебя задание осмотреться, не упуская возможностей. Ну... я и осмотрелся. Немного помог с деликатным вопросом начальнику тринадцатого полицейского участка, эта земля в зоне его ответственности, после этого он стал мне доверять.

– Патрульный с номером тридцать один семнадцать, – вдруг догадался я.

– Что «патрульный с номером тридцать один семнадцать»?

– В аэропорту у меня возникло небольшое недопонимание, и я уже смирился с перспективой отъехать в кутузку. Но появился Василий, и тридцать один семнадцать, когда увидел эмблему на спине его куртки, развивать тему недоразумения не стал, и они с напарником просто ушли. Он, получается, в курсе твоей деликатной помощи?

– Нет, – улыбнулся Войцех. – Это Януш Новицкий, мы с ним в Легионе Колониальной лиги в Бенгази пересекались, он просто меня знает.

– С начальником тринадцатого участка тоже до этого пересекался?

– О да, – снова усмехнулся Войцех. – Его зовут Вальдуш Дрозд, мы в одной школе учились.

– Дружили?

– Нет, наоборот. Я ему однажды нос из-за одноклассницы сломал. Поэтому он меня и вспомнил сразу, когда я к нему в гости пришел, – усмехнулся Войцех.

«Мафия. Польская мафия», – подсказал мне внутренний голос.

– Ясно. Так что с оружием, откуда дровишки?

– Оружие – это в некотором роде аванс. Изначально Вальдуш попросил меня решить вопрос с его любовницей. Девочка до некоторого времени работала в городской администрации, но немного переоценила собственную значимость. Выехала в большой город и под камерами попала за рулем в состоянии наркотического опьянения. После сразу потеряла должность и решила немного Вальдуша пошантажировать, чтобы он помог ей восстановиться. Вопрос я решил легко и быстро, и тут же от Вальдуша... как бы тебе сказать... – вздохнул Войцех, не найдя сразу нужных слов. – Скажем так, он меня ни о чем не просил. Даже не думал. Просто рассказал грустную историю, и мне, вернее, уже нам сейчас нужно решить, проникнемся ли мы и будем ли пытаться хоть как-то помочь мирозданию восстановить справедливость.

– Что за история?

Войцех повернулся к проекции с картой района и быстро уменьшил масштаб, так что перед глазами вновь появился весь остров. После следующего его жеста часть видимых районов окрасилась в синий цвет. Еще одно движение рукой, и на карте появилось несколько красных пятен – в основном на побережье. Также в красный окрасились некоторые башни на благополучном юге острова.

– Зоны ответственности, – пояснил Войцех. – На всем острове охрану правопорядка осуществляет Полиция Занзибара. К ней относится и муниципальная гвардия, ты с ними, получается, уже виделся в аэропорту.

– Да, – кивнул я, осматривая синие участки, на которые показал Войцех.

– Но. Зазу – отдельный автономный дистрикт, при этом находящийся в составе протектората. И после того как дистрикт стал автономным, Федеральная полиция Танганьики, которая по полномочиям выше местной Полиции Занзибара, здесь больше не работает. И теперь на федеральном уровне здесь действует частная полиция корпоратов, которую наделили многими функциями, – показал Войцех на красные участки зоны ответственности. – Эти районы теперь контролируют Томми, или парни из Тип-Топ, как их называют.

– Эм... – вообще не понял я неожиданного захода с названиями.

– Тип-Топ, – посмотрел на меня Войцех. – Транспортная полиция протектората Танганьика. ТРТР.

– Тип-Топ, понятно. А почему «Томми»?

– Томми-Ган, – пояснил Войцех. – Корпораты уже давно создали свою транспортную полицию в Танганьике и контролируют все грузопассажирские перевозки в регионе, да и на всем Юге и Востоке Африки. Но из-за того, что федералы, после того как Занзибар стал отдельным протекторатом, отсюда ушли, Томми заполучили здесь, на острове, часть их функций и привилегий. В том числе – право на ношение тяжелого оружия. Томми здесь пока гораздо меньше, но вооружены, а также экипированы они намного лучше Полиции Занзибара, не говоря уже о муниципалах из городской стражи, которым ничего, кроме двадцать вторых Глоков, не положено. Кроме того, уже почти все высшее руководство муниципалов на серой зарплате у корпоратов. Так что местная стража у ребят из Томми теперь, можно сказать, начала смачно отсасывать с заглотом, причем по всем параметрам.

– Грубовато.

– Зато полностью отражает картину, – усмехнулся Войцех. – Так вот, с чего все началось. Томми в последнее время очень активно теснят муниципалов и подгребают под себя многие прибыльные сферы деятельности на острове. В том числе охрану частных кварталов.

Частные кварталы. Приватные зоны. Элитные районы, где отсутствуют системы слежения и видеонаблюдения, гарантируя обитателям конфиденциальность частной жизни. Действительно, охрана подобных районов – весомая статья доходов любого полицейского департамента в любом городе любого протектората.

Забрать охрану частных кварталов – это не просто серьезный, это сокрушительный удар по самому главному, что есть у любой полиции. По бюджету. Это, на самом деле, реально больно, так что с грубоватым эпитетом Войцеха я теперь был полностью согласен.

Мой бывший опекун между тем вновь изменил масштаб карты, и сейчас я видел западное благополучное побережье. На котором рядом с маринами расположились районы особняков. Окрашенные сейчас синим цветом, но в красной рамке. И это несоответствие Войцех быстро пояснил:

– Округ и яхт-клуб Янтарь в ближайшее время по договору города и протектората должны перейти в ведение Томми. Но пока еще безопасность в районе обеспечивают муниципалы. Вот этот дом, – увеличил Войцех масштаб так, что на экране остался лишь один богатый особняк, – через подставных лиц принадлежит Ричарду Уильямсу, главе филиала «Занзибар» в корпорации Некромикон. Он здесь, так скажем, развлекался в обход жены.

Ричард Уильямс, глава филиала Занзибар – сразу понял и вспомнил я, о ком идет речь. Он во время нашего «совещания» в башне Некромикона в Хургаде умер одним из последних – после того, как мы с Рыбкой достигли джентльменского соглашения и она пробила Уильямсу голову молотком.

– Не знаю, кому в голову из Томми пришла замечательная идея, но перед передачей территории они решили пошакалить в особняке Уильямса, – выражением и интонацией выразил все, что думает о подобной затее, Войцех.

– Пошакалить?

– Трое корпоратов пытались несанкционированно проникнуть внутрь.

– Да нормальная идея, – покачал я головой. – Учитывая то, что Уильямс уже два месяца как мертв. Если бы у них получилось не спалиться, все было бы замечательно.

– Уильямс мертв?

– Да, я лично присутствовал в момент, когда он отклонялся. И то, что территория под контролем муниципальной гвардии, тоже укладывается в картину отличного плана:

корпораты вскоре примут функции охраны, начнут проверки охранных систем и засвидетельствуют проникновение в особняк. Обнесут все желтой лентой и вынесут под это дело оттуда все, что нужно, перебрав дом уже по дощечке. Обнесли бы и вынесли бы, вернее.

– Тогда да, действительно, этот перформанс с их стороны имел смысл, – кивнул Войцех. – Вот только дятлы из Томми вошли в особняк грязно, и сработала одна из систем защиты. Вся современная сигнализация была ими дистанционно отключена, но в доме сработал первый пояс защиты, установленный сразу при постройке. Старая обычная сигналка, рассчитанная против собак и шушеры всякой, чтобы стройматериалы не уперли.

– И...

– И через одну минуту и сорок секунд приехал патруль муниципалов. Три человека, – вывел ненадолго на экран Войцех три фотографии полицейских.

Двое белых мужчин, одна черная женщина – машинально отметил я.

– ...При проверке здания, – продолжал Войцех рассказывать, – муниципалы наткнулись на корпоратов, в результате произошел огневой контакт. Все трое муниципалов погибли. Потери были и у корпоратов, сколько – неизвестно, тела они увезли. А теперь самое главное: официальная версия произошедшего говорит нам о том, что Дерек, Гжегож и Эллен, – показал на портреты полицейских Войцех, – сами решили обчистить особняк. Мимо же якобы в это время случайно проезжал экипаж корпоратов, которые проводят тестирующее патрулирование нового района. По итогу по решению суда полицейские были признаны виновными, а их семьи оказались лишены всех гражданских прав.

– И нам, предполагаю, нужно проникнуться столь вопиющей несправедливостью и исполнить божий гнев?

– Именно так.

– Так кого нужно наказать? – с некоторым скепсисом поинтересовался я. Но, как оказалось, скепсис был лишним, потому что конкретно в этом случае божий гнев было на ком демонстрировать: поверху проекции с изображением коттеджа появилось еще одно фото с белым седым мужчиной.

– Глава муниципальной гвардии округа Вилладж Джордж Линден, – представил того Войцех. – Томми купили его с потрохами. Вопрос возмущения муниципалов в том, что, если бы Линден сделал стражников крайними, его бы не поняли... но приняли. Это жизнь, так иногда бывает. Но Линден даже не стал бороться за семьи своих людей, хотя легко мог удержать их на краю. Семнадцать человек оказались на самом нижнем уровне без привилегий, пособий и со спущенным до нуля социальным рейтингом. Он их просто утопил.

– Ему это зачем?

– Томми наверняка решили устроить показательную порку. На материке они последние годы ведут себя под девизом: «Да, мы обнаглели, и что?». Здесь, видимо, решили не отступать от принятой парадигмы и сразу показать местным, кто теперь на острове хозяин. Все предельно просто: лишь посмотришь косо в сторону корпоратов – и не только сам зубами подавишься, но и всю свою семью под монастырь подведешь. Также понятны и мотивы Линдена – ему здесь больше не жить...

– Почему?

– Не в том смысле: у него через три месяца заканчивается контракт, и он уходит со службы. Видимо, решил обеспечить себе безбедную старость, переехав куда-нибудь в Канаду или на Фолкленды. Так вот, после того как я помог другу Вальдушу решить проблемы с шантажом от юной, но деятельной леди, он и рассказал мне эту вопиющую историю.

«Мафия. Польская мафия, она везде», – еще раз подсказал мне внутренний голос. Войцех между тем продолжал.

– ...Если муниципалы накажут Линдена сами и, не дай бог, это всплывет, полетят головы. Много голов, и корпораты их вообще с землей смешают. Поэтому Вальдуш очень надеется, что Бог на небесах заметит несправедливость и накажет скурвившегося Линдена. Притом Вальдуш очень просит в молитвах Бога, чтобы тот наказал грешника так, чтобы это не выглядело насильственным убийством. Во избежание шумихи и долгих разбирательств.

– Просить Бога о помощи нам нужно с помощью трех пистолетов, одного пистолет-пулемета, гранат и парализаторов? – усмехнулся я.

– Нет. Это все для того, чтобы нас не сожрали в ближайшее время. Для Вальдуша это ничего не стоит, просто небольшое пожертвование на бедность.

– Конфискат?

– Левый притом, неучтенный.

– Ясно. Вилладж – элитный район. И убить Линдена – опасная авантюра.

– Вальдуш намекнул, что вскоре вакантным может стать контроль над Кигунгули, – показал на небольшой район на севере острова. Там сейчас сидят каннибалы, их как раз хотят подвинуть. Насовсем и навсегда.

– Каннибалы?

– Да, из французской колонии племя прибилось, долгая история.

– Попробуй кратко. Никогда в жизни с каннибалами не сталкивался.

– Ну... жило где-то во Французской Африке племя, о корнях не забывающее. Французы, как выяснилось, что они по заветам отцов и дедов продолжают каннибализмом баловаться, половину там перевешали, но по ходу дела вмешались британцы, раздули в ООН скандал с геноцидом. Французы тут же подсуетились и отправили все недобитое племя сюда, опять же через комиссию ООН. В общем, теперь на острове есть племя потомственных каннибалов. После их переселения уже больше года прошло, видимо, решили закрыть вопрос, а то эти купленные британцами каннибалы – вечный повод для шуток теперь среди политиков, как понимаю. Они сейчас всей своей шоблой-моблой в Кигунгули сидят, а это район промзон рядом с портом, там можно найти много возможностей. Особенно если полиция нас туда пустит и поможет укрепиться, закрывая иногда глаза. В общем, решай с Линденом, впрягаемся мы или нет – времени у нас пара недель на рекогносцировку точно есть.

– Хорошо. Решим. А сейчас давай подумаем, где нам взять денег.

– С собой ты не привез?

– Лишний хвост, не хотел рисковать. Я здесь как в свадебном кортеже.

– В смысле?

– Ну на свадебной машине обычно два кольца вешают на крыше, в том смысле, что начальный семейный счет – ноль-ноль.

Войцех внимательно на меня посмотрел, но спрашивать о причинах такого моего прибытия сюда все же не стал. Хотя мог бы – еще вчера средств у меня было столько, что не было необходимости их даже считать. Я ж прибыл сюда без копейки.

– Понял. Принял, – лишь коротко произнес Войцех.

– По поводу монеток. Нам для начала нужно не так много, но на круг, особенно учитывая покупку капсул в деньгах, сумма выходит довольно ощутимая. Так что давай посмотрим, кого мы можем безболезненно выставить.

– Выставить?

– Да. Британские ученые недавно доказали, что Робин Гуд грабил богатых, а не бедных оттого, что у бедных просто нечего было грабить. Поэтому наша с тобой задача сейчас определить, исходя из того, что нам предлагает район Кигунгули, кого мы можем выставить на хорошие бабки. Так, чтобы не зацепить потенциально возможных союзников и соседей. И желательно выставить кого-либо так, чтобы выставить это экспроприацией экспроприаторов.

– Что-что?

– Грабь награбленное. Мы должны кого-нибудь выставить, но так, чтобы пассионарная часть общества вздохнула с удовлетворением: «Ах, какие молодцы, забрали у кровопийц наворованное!»

– А, теперь понял.

– Второе – нам необходимо с тобой решить, как именно мы заработаем сразу и много денег, но сделаем это так, чтобы за это нам ничего не было. То есть нам нужен хороший план.

– Третье?

– Чумба.

– Что «Чумба»?

– Ты его вообще видел?

– Да.

– Нужна информация о нелегальных подпольных боях. Как только появятся средства на то, чтобы навести нашей команде внешний лоск, мы можем поставить Чумбу на ринг против химер.

– Эм... я не очень понимаю, о чем ты сейчас, – Войцех после этих слов удивленно на меня посмотрел.

– Я сейчас о том, что в этом славном городе, кроме стандартных боев без правил на аренах, проводятся так называемые бои организмов, с участием химер и мутантов. Это мероприятия для очень узкого круга и, соответственно, с ну очень большими ставками. Там играют хорошие деньги. Очень хорошие деньги, – после некоторой паузы добавил я. – И наш Чумба – идеальный кандидат для того, чтобы в таких боях участвовать. Теперь нужно только узнать, где они проходят, и получить на них приглашение.

– Если там крутятся большие деньги, то мы, вполне возможно, как туда зайдем, так там и останемся.

– Вот поэтому нам нужна крыша. И, соответственно, возвращаясь к первым двум пунктам: когда мы сейчас будем смотреть, кого мы можем выставить, давай думать, в чьих интересах мы можем это сделать так, чтобы сделать кому-либо хороший подарок.

– Ты хорошо подготовился.

– О да, – только и кивнул я.

«Отлично подготовился», – ехидно подсказал внутренний голос.

Ехидно он сказал это потому, что я даже карту Занзибара видел лишь у Астерота в замке междумирья. В остальное время как-то не до этого было, дел много навалилось. И сейчас все мои знания первых шагов заключались лишь в тех наставлениях, что дал мне архидемон. А именно: отправить Василия, Гека и дядюшку Абрама сюда с целью осмотреться в поисках возможностей, после чего прибыть самому, подняться с самого низа, путем экспроприации у одних получив в союзники других. Ну и для достижения целей на первом этапе использовать Чумбу для проведения нелегальных боев. Все.

– Так, ладно, – смел с проекции портреты погибших патрульных и Линдена мой бывший

опекун. – Давай для начала рассмотрим Серебряную аллею...

– Войцех.

– Да.

– Давай рассмотрим. Только ты, предлагая, сразу делай ремарки с рассказом о городе и его обитателях. Начни с того, что за Серебряная аллея и почему она так называется – я немного не местный...

Над картой Занзибара просидели до самого вечера. И в результате ограничили выбор точек ограбления до нескольких мест. Когда уже финальной стадией обсуждали достоинства и недостатки каждого, вернулся Василий.

– Босс, у нас проблемы, – заявил он сразу с порога. Выглядел при этом Вася слегка взволнованным.

– Что случилось?

– Я выполнял твое поручение, но ко мне подошли местные вольные люди и сказали, что местная молодежь – это достояние района. И для того чтобы привлекать ее в разные блудняки, необходимо получить разрешение у уважаемых людей. Вы, босс, это разрешение не получили, и сейчас нас ждут на встречу уважаемые люди района.

– Уважаемые люди? – переспросил я.

Войцех же в этот момент громко рассмеялся. Причина его веселья ясна: «уважаемые люди» применительно к местной мусорной шухере звучало слишком уж уважительно, вплоть до карикатурных образов.

– Уважаемые люди, – между тем недоуменно повторил Василий.

Для него, пусть он и был долгое время частью отряда Артура Волкова и даже носил в себе душу тысячелетнего демона, ничего смешного в сказанном не было. Вася сейчас просто оказался в привычных реалиях привычного мира. Мира трущоб протектората, в котором он и начал свой осознанный путь, после того как его лодка с беженцами утонула, а сам он попал в роли скаута в слабую банду, промышленяющую максимум наркоторговлей на районе. И люди, уважаемые в этом районе, в системе координат Василия для него действительно были уважаемыми.

– Где они нас ждут?

– В закусочной «Четыре угла».

Я вопросительно посмотрел на Войцеха, и он на карте показал забегаловку под одной из развязок. Путь туда, если немного попетлять, шел по серой свободной от камер наблюдения зоне, лишь два раза пересекая пути следования полицейских патрульных дронов.

– Ну, раз уважаемые люди ждут, то пойдем пообщаемся, – кивнул я Войцеху.

Он поднялся и, взглядом попросив меня отодвинуться, перетащил стол в сторону. Откатив в сторону пыльный ковер, он поднял люк, под которым находился тайник с оружием.

Здесь были два пистолета незнакомой мне конструкции и Глок-22, размером чуть больше, чем привычный семнадцатый. На его ствольной коробке и рукояти были заметны следы краски – видимо, оружие было весьма аляповато разрисовано до того момента, как попало в руки Войцеху.

Несмотря на внешний вид, Глок был хорошо вычищен и смазан. К нему был даже дополнительный магазин, который я себе и забрал. Компактный пистолет-пулемет взял себе Войцех, оружие, к своей радости, получил и Василий.

Свой пистолет я убрал в – на удивление – функционирующую скрытую кобуру в куртке

сзади, на поясице. Выхватил пару раз и довольно кивнул, удовлетворенный результатом – все работало отлично. А с искусственной рукой вообще все получалось быстро, на грани скольжения.

Сразу выходить не стали – дождались, пока дядюшка Абрам привезет Гека. И, оставив датчанина и Чумбу в доме караулить, мы втроем двинулись на встречу.

Уважаемые люди, ожидающие нас в закуской «Четыре угла», выглядели как сборище громко верещащих человекообразных павлинов. Чуть больше десяти персонажей, все в вырвиглазно-ярких и блестящих «сутенерских» пиджаках. Причем практически все щеголяли в солнцезащитных очках – это в сумерках-то. И определенно это не были очки дополненной реальности – уважаемые люди в стоках средства объективного контроля личной деятельности не носят.

Несколько из «уважаемых людей» были в облегающих лосинах – причем не только две массивные дородные юные дамы, но и парочка мужчин; большинство присутствующих козыряло фальшивыми золотыми цепями в палец толщиной, а также светящимися татуировками.

В общем, красота невиданная – особенно на фоне мусорной серости темного и мрачного района.

– Всем здравствуйте, – поздоровался я вежливо первым делом, когда мы зашли.

В ответ мне раздался громкий гомон. И сразу из-за стола, роняя стул, вперед вышел худой черный парень в подсвеченном белым неонем ядовито-зеленом пиджаке. Был он одного роста со мной, но его на голову выше делала прическа из собранных в толстую копну покрашенных в ядовито-зеленый же цвет дредов. Волосы, кстати, у переговорщика от «уважаемых людей» росли только на кругу на макушке, остальная голова была выбритой, блестяще-лысой. Сбритыми были даже ресницы и брови.

И павлинистый зеленый незнакомец, не размениваясь на приветствия, сразу начал брать быка за рога, обещая меня изнасиловать самыми разными методами, объединяло которые лишь одно – все они были противоестественны человеческой природе.

Я полминуты его внимательно слушал и даже не обращал внимания на то, что этот зеленый павлин то и дело тыкает пальцем мне в грудь, а также периодически брызгает слюной.

За эти полминуты все ряженые «уважаемые люди» поднялись, обступая нас троих полукругом. В руках большинства были подручные средства – в основном бейсбольные биты и водопроводные трубы.

– Извини, бро... – попытался я вклиниться в речь зеленого павлина, поймав паузу в его монологе. Но это было единственным, что успел сказать: собеседник снова набрал в грудь воздуха и снова завел речитатив о том, как он из меня, моих друзей и наших домашних животных будет делать послушных девочек. Я же начал про себя неторопливо цитировать, из любимого:

Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока
Хранить молчанье в важном споре.

В момент, когда закончил проговаривать частичную характеристику Онегина, павлин напротив вновь сделал паузу набрать воздуха.

– Прошу прощения... – все же пришлось мне повысить голос. И опять не подействовало.

«Ублюдох, мать твою, а ну иди сюда, говно собачье, ты на кого лапу поднял», – продолжал между тем набравший воздуха зеленый павлин. Я его уже давно не слушал, да и на английском говорил он очень невнятно.

Каюсь, терпение после второй попытки вставить слово я потерял. Поэтому, когда мне в грудь в очередной раз уперся палец, я его сломал. С умыслом – когда переговорщик ожидаемо взвыл от боли, я вбил ему в открытый рот быстро выхваченный Глок, задрал ствол вверх и нажал на спуск.

Высокий сноп собранных в прическу дредов перекосило, вместе с частью расколовшейся крышки черепа, зеленые волосы окрасились брызнувшей кровью и мозгами. Эхом памяти я при этом воспринимал шум движения позади – Войцех и Вася так же, как и я, достали оружие.

Брезгливо оттолкнув от себя падающий труп, я придирчиво, даже не обращая внимания на попятившихся уважаемых людей, осмотрел мокрый от крови и слюны ствол пистолета. После присел, неторопливо вытер оружие о шейный платок павлина. И все так же неторопливо поднявшись, убрал пистолет обратно в кобуру на спине.

– Всем добрый вечер, – начал я, осматривая собравшихся. – Для начала хотел бы сказать вот о чем: вежливость – это основа дипломатии и здоровых отношений между людьми. Нет вежливости, – показал я на труп под ногами, – нет здоровых отношений. Надеюсь, вам всем это в силу имеющегося в наличии интеллекта доступно.

Сделав паузу, я глубоко и картинно вздохнул.

– Вы все как настоящая дипломатическая делегация подготовились ко встрече. Молодцы! Вижу, принесли с собой биты, трубы и вон даже одну цепь...

По мере того как я говорил, руки уважаемых людей разжимались и подручные средства падали на пол. В лицо мне никто не смотрел, и думаю – обладая прежними способностями – я наверняка бы почувствовал животный страх и благоговение. Что неудивительно – трое вооруженных людей для местной мусорной шушеры – это кто-то из пантеона богов. И местным действительно было сложно представить, что в этой клоаке на их территории окажется кто-то настолько высокого уровня.

– Вы молодцы, все сделали правильно: как известно, первая обезьяна, что взяла в руки палку, стала феодалом. Но в силу своей ограниченной образованности...

Говорил я сейчас медленно и обстоятельно. Павлин, который на меня орал, брызгая слюной, довольно сильно испортил мне настроение. Давно на меня так не кричали, и сейчас я, устроив долгую и нудную отповедь, просто приводил в норму расстроенные чувства.

У меня, вполне может быть, и ментальные способности при обладании даром были столь сильны из-за того, что правило «сделал гадость – весь день на сердце радость» применительно ко мне всегда работало. Ведь поджигать чужие задницы я любил и умел еще до того, как волей Астерота покинул прежний мир, отправившись в новый. И давно понял, что свои недостатки и слабости иногда лучше признать, жить легче становится. Так что сейчас я продолжал для всех собравшихся пытку нудной и поучительной речи:

– ...в силу своей ограниченной образованности вы просто не подумали о том, что в вашей клоаке может быть кто-то, у кого есть не просто палка, а самый настоящий пистолет. Итак, меня зовут А... а-а-а как меня зовут? – вовремя исправился я, едва не представившись

Артуром Волковым. – А зовут меня Драго Младич, и пистолет у меня есть. Более того, у меня к нему есть даже патроны, представляете? Показать? – потянулся я вновь к кобуре сзади.

Собравшиеся идиотами не были и дружно загомонили, мотая головами с посылом, что нет, показывать не нужно, а такому хорошему и вежливому человеку, как я, всегда можно верить на слово.

– Отлично. В вашей шайке вот этот был главный? – ткнул носком ботинка я в ногу лежащего тела.

Повисло молчание, но я сразу же выцепил взглядом одного из группы. Это был ближе всех стоящий ко мне толстый черный парень в сине-белых обтягивающих штанах и черной майке, открывающей полностью забитый фосфоресцирующими светящимися татуировками торс.

«Лампа», – быстро мысленно окрестил я его за свечение и за своеобразную фигуру в форме груши.

– Ты, отвечай.

– Нет, бвана Драго. Главный у нас бвана Ибове, – моментально ответил Лампа.

Бвана. Уважаемый – вспомнил я. Даже песня такая давным-давно была популярна, Джамбо Бвана. Здравствуй, уважаемый! – если в переводе.

– Это человек бвана Ибове? – обращаясь к Лампочке, вновь легонько пнул я в подошву трупа.

– Да, бвана Драго.

– Ясно. Сейчас ты один выйдешь отсюда, а после пойдешь и скажешь господину Ибове, что я очень зол и расстроен проявленной его человеком невежливостью. И если господин Ибове в течение часа не прибудет сюда и не попытается вежливо извиниться, то все уважаемые люди, – показал я на остальных ряженных вокруг, – пух-пух, и умрут. У меня много денег и много патронов. Настолько много, что я даже могу позволить себе никого не убивать руками. Это к сведению. Итак, если господин Ибове здесь не появится, все уважаемые люди здесь умрут, а после я сам приду к господину Ибове. Еще более злым. Это ясно?

– Да, бвана Драго.

– Отлично. Так ему и передай. Бегом, – помахал я рукой, после чего Лампа – молодец какой, сообразительный – мгновенно сорвался с места и выбежал из закуской.

Ожидая, мы с Войцехом взяли в автомате кофе. Вася, кстати, остался у дверей наблюдать за происходящим. Причем подозреваю, что остался он в дверном проходе лишь для того, чтобы покрасоваться перед одной из компании уважаемых людей. Я, посматривая за ним, то и дело видел, как он стреляет глазами в сторону дородной леди в золотых лосинах, чьи бедра шириной были таковы, что не факт, что прошли бы через турникеты питерского метро. Но Василия я ничуть не осуждал – о вкусах не спорят.

Бвана Ибове заявился через двадцать семь минут, когда мы с Войцехом допили по второй кружке синтетического кофе. От этого напитка я испытывал чувства, какие, наверное, испытывает человек, впервые вынужденно занявшийся любовью с резиновой женщиной. Сам не пробовал, но, думаю, не сильно ошибусь в таком предположении.

Но кофе пил – я здесь не на пару дней, надо привыкать не кривить нос по пустякам. Но все равно появление господина Ибове пришлось как нельзя кстати. Сам он, кстати, оказался тучным господином, явно любящим золото – одна из трех цепей на его шее, самая тонкая, похоже, была даже настоящей.

Господин Ибове пришел в сопровождении двух телохранителей – с хвостами из дредов

точь-в-точь такими же, как и у убитого мной зеленого. За их спинами маячил откровенно испуганный Лампа.

– Джамбо бвана! – приветствовал я господина Ибове, едва тот зашел в помещение.

– Здравствуйте, бвана Драго, – хрипло произнес Ибове в ответ. Даже отсюда я видел, что все его лицо покрыто крупными каплями пота.

– Бвана Ибове, вы главный человек в этом районе? – обвел рукой я вокруг себя.

– Да, – кивнул тучный господин Ибове и уже через секунду упал с простреленной головой.

– Это был неправильный ответ, – доверительно сообщил я уважаемым людям и спутникам господина Ибове. – Главный в этом районе теперь – я. Всем понятно?

Судя по установившемуся молчанию, всем было все понятно.

– Все, мальчики и девочки, закончилась акуна матата. Завтра всех жду у себя дома с одиннадцати утра. Будем решать, как будем дальше жить и кто здесь будет дальше жить. Всем до свидания, – натянул я на лицо вызывающе искусственную улыбку.

Оставив оторопевших от моей манеры ведения переговоров уважаемых людей отходить от шока, я вышел на улицу. Спутники господина Ибове и Лампа покинули траекторию моего пути так быстро, что быстрее, наверное, было бы только телепортацией.

На самом деле, я бы и сейчас с собравшимися все решил. Но уже пора было деактивировать обманку полушлема, в котором сейчас находился мой девайс от RODZ, и на ночь вернуться в реальность. Вернее, в поле зрения системы средств объективного контроля личной деятельности просителя политического убежища, как сейчас официально назывался мой статус.

– Такой дипломатии я точно тебя не учил, – только и прокомментировал состоявшиеся переговоры с уважаемыми людьми Войцех, когда мы вышли из забегаловки и направились в сторону нашего нового дома.

P.S.

– Пусть не решить нам всех проблем, не решить всех проблем... – негромко себе под нос напевал я, прогуливаясь туда-сюда вдоль строя собравшихся во дворе уважаемых людей Полигона. – Но станет радостнее всем, веселей станет всем, – подытожил я собственные мысли и чувства такой подходящей ситуации строчкой гимна Клуба веселых и находчивых.

И осмотрелся по сторонам, глубоко вздохнув. И еще раз. И еще – не в силах надышаться. Воздух влажный и густой, хоть руками собирай; в нем ни грамма свежести, лишь застарелая мусорная гнилая вонь, пропитавшая на Полигоне абсолютно все.

Жарко мне сейчас так, что, даже несмотря на самое современное терморегулирующее белье, я чувствовал, как по затылку и вискам то и дело стекают капли пота. С океана то и дело поддувал ветерок. Но и он не нес ни грамма свежести, только новый смрад береговых помоек, где на когда-то прекрасном белом пляже гнили горы мусора. Самого разного рода: я, так получилось, знаю, как пахнут давно лежалые трупы. Лучше бы не знал, конечно, – то, что во многих знаниях много печали, все же неглупый человек придумал.

Капелька пота пробралась через брови и попала в глаз, заставив сморгнуть соленое жжение. Я бы с удовольствием сейчас вытер от пота лицо и даже надел маску, защищаясь от вони. Но пока такой возможности нет: здесь это не принято и местные уважаемые люди просто не поймут подобного захода.

Пока не принято – сморгнул я еще одну капельку пота.

Здесь, на Полигоне, очень много чего пока не принято, и это я хочу изменить. Плохо только, что устоявшиеся традиции поведения не выключишь по щелчку пальцев, над этим всегда приходится долго и упорно работать.

К счастью, кроме анонсированной вчера вежливости, или мягкой дипломатии, у меня был еще действенный инструмент. Что, надо сказать, задачу серьезно упрощало – с такими мыслями я невольно завел руку за спину, едва касаясь скрытой кобуры.

«Ну, граждане алкоголики, хулиганы, тунеядцы...», – внимательно осмотрел я почти три десятка человек уважаемых людей со всего Полигона. И, оглядывая пестрый строй, который сделал бы честь любому бразильскому карнавалу, я сейчас даже начал находить в нарядах собравшихся определенную прелесть.

Я здесь уже второй день, но уже в какой-то мере начал понимать местных, которые жили в границе гетто недостроенного Солнечного района. Не видя ни солнца, ни чистых ярких красок. И своими нарядами они хоть как-то добавляли цвета в вечный смрад окружающей серости.

Как говорится, если хочешь изменить мир – начни с себя. И местные меняли его с доступного, начиная с себя: ни одного грязного и серого человека передо мной не стоит. Все чистые, в смысле вымытые – здесь это особый шик; одежда яркая и блестящая, как будто разгоняющая вечный полумрак подвальной городской помойки.

Внутри собравшейся толпы понемногу начал зарождаться негромкий гомон – кто-то не смог устоять молча. Но едва я чуть дернул подбородком в сторону шевеления, выискивая взглядом наглеца, снова стало тихо.

Постоял еще немного, осматривая настороженных присутствующих и думая, включать режим сержанта Хартмана или нет. Не стал. Даже убрал руку с кобуры и завел за спину вторую, сцепив сзади ладони в замок и принявшись туда-сюда покачиваться с носка на пятку.

Отсутствие оружия в руках не беспокоило. Рядом, по сторонам, стояли Войцех и Василий, держа стволы на виду, а за правым плечом возвышался Чумба. Мутант был в плотном длинном балахоне, напоминающем грубую монашескую рясу. Где откопал только? Капюшон у него был низко опущен, но, даже несмотря на полумрак, несложно было понять, что лицо у Чумбы не слишком человеческое.

Впрочем, сильно к Чумбе не присматривались и серьезного удивления не показывали. Среди собравшихся было достаточно тех, у кого лица были покрыты татуировками, шрамированием и пирсингом вплоть до полной потери узнаваемости и идентификации с представителем рода человеческого.

Один персонаж и вовсе по видоизменению своего лица мог бы напоминать канонического орка – очень уж характерно клыки удлинены. Мог бы быть похож на орка, если бы клыки не были в позолоте, а на самом персонаже не сверкал блестками красный пиджак, надетый на белоснежную майку.

Столкнувшись взглядом с «орком», я вдруг неожиданно для себя поджал губы и продемонстрировал большой палец. Орк, опять совершенно неожиданно для меня, вдруг широко и радостно улыбнулся. Совершенно открытой улыбкой – так чисто только дети и счастливые люди улыбаются; было видно, что похвала орку оказалась весьма приятна. На счастливого человека, впрочем, он похож не был, на ребенка тоже...

«Да они и есть как дети!» – подсказал внутренний голос.

Да – вдруг понял я. Они ведь здесь многие действительно как дети. Большие, злые... даже не злые, а просто отмороженные в край дети. Которые, не моргнув глазом, могут на полоски кого-нибудь нарезать, а после искренне радоваться невиданному ранее яркому мультику. И эмоции у многих из них до сих пор открытые и искренние – подумал я, почувствовав себя приехавшим в Африку доктором Айболитом. Только у меня, в отличие от доктора, пистолет был, и если на пути попадетесь злой Бармалей, то... Так, ладно, это все лирика.

– Меня зовут Драго Младич, и я новый хозяин Полигона. Есть у кого-либо возражения? – поинтересовался я, внимательно осматривая строй уважаемых людей.

Повисла довольно долгая пауза.

– Если возражений нет, тогда давайте я расскажу вам о том...

Возражения, как оказалось, были. И преподнесены оказались вполне весомым образом. Вот только я осознал это постфактум – а сейчас успел лишь почувствовать, как на меня дохнуло воздухом, словно машина рядом на большой скорости промчалась. Впрочем, почти так и было – только это была своеобразная машина, машина для убийств. В толпе уважаемых людей закрутился самый настоящий вихрь, одновременно с которым загрели выстрелы.

Закончилось все, даже не успев начаться, буквально за несколько мгновений – когда я достал пистолет и был готов стрелять, целей уже не было.

– Freeze! – эхом слышался громкий крик Войцеха, который призывал всех замереть и не двигаться.

Коротко глянув в сторону поляка, первым делом я обратил внимание, как с дульного среза его оружия сорвался дымок. А потом посмотрел на лицо: невероятно бледное, глаза с расширившимися на всю радужку зрачками, по вискам и шее протянулась паутина темных вен.

«Военные импланты и разгонные стимуляторы», – догадался я о природе изменения его внешности.

Но на Войцеха посмотрел лишь мельком – много иных вещей требовало моего внимания. В этот самый момент последним упало обезглавленное тело с отрубленной рукой, в которой был массивный пистолет. Еще несколько человек уже лежало на земле. Один из них скреб в конвульсиях землю каблуками. Каблуками белых кроссовок на невероятно высокой подошве – даже обратил я внимание на показавшуюся мне такой несуразной обувь.

– Никому не двигаться, замерли все! – дублируя окрик Войцеха, громко скомандовал я, настороженно осматривая собравшихся. Двигаться, правда, никто и не собирался – после того как захлопали выстрелы и полетела вокруг веером кровь от клинков Чумбы, вся толпа рухнула на землю и так и осталась лежать. Даже не дыша, наверное.

Чумба в момент моего возгласа как раз втянул в предплечья костяные клинки и мягко вышел, даже выпрыгнул, из лежащей толпы. Вернувшись на место, мутант поднял свой похожий на монашескую рясу балахон, вновь его накидывая – пряча лицо и традиционно для бурбонов оголенный торс с костяными гребнями.

Только к этому моменту я в осколках памяти произошедшего восстановил картину: по началу действий одного из присутствующих еще несколько достали оружие. Вернее, начали это делать: тот, который схватился за оружие первым, и умер самым первым – он даже не успел толком ствол на меня направить.

Вообще, надо сказать, даже несмотря на громкую неудачу, покушение было неплохо организовано. Уважаемых людей вокруг много, и, если бы не Чумба, убийцы могли получить хороший шанс на реализацию – четыре минимум... ну да, четыре ствола с короткой дистанции. Расчет был на то, что мои телохранители не успеют всех отщелкать, начнется суматоха и я гарантированно получу очередь в упор – все четверо вооруженных как раз на максимальном удалении друг от друга встали, грамотно.

Если бы не Чумба... И если бы не Войцех.

Я еще раз глянул на поляка. Молочная бледность кожу его уже покинула, глаза вернулись в обычное состояние. Видимо, следом за разгоняющими возможности организма веществами были впрыснуты стимуляторы, прекращая действие разгона организма. Или просто доза малая автоматически в кровь поступает, не знаю в этом плане, как у него. Да и вообще не совсем пока понимаю, как эта система работает. Но вот то, что Войцех упакован имплантами, определено. У него еще и глазные импланты ведь наверняка стоят, замаскированные под обычные глаза.

И он, наверное, в одиночку мог отщелкать всех несостоявшихся убийц, даже без вмешательства Чумбы. Который теперь постоянно следовал за мной на месте телохранителя, ранее привычно занимаемом Адой.

Чумба был единственным выжившим воином элитной гвардии вождя племени мутантов, которого я убил на арене Базаара в Инферно. И Чумба, который был не просто костяным мутантом, а попробовавшим силы Крови костяным мутантом, умел входить в скольжение. И в момент начала моего общения с народом он, выполняя обязанности моего телохранителя, следил за толпой в ускоренном для себя времени – так что даже без вмешательства Войцеха он также в одиночку мог разобраться со всеми убийцами.

– Всем на колени, руки за голову, глаза вниз, – скомандовал я между тем, обращаясь к замершим на земле уважаемым людям.

Указание было довольно быстро выполнено, и чуть больше двух десятков человек замерли в одинаковых позах. Остались лежать на земле в лужах крови только четыре трупа.

– Никого не хочу обижать и убивать. Но сейчас мы будем проверять, у кого из вас есть и

работают системы видеофиксации происходящего. Тех, у кого они есть, прошу признаться сразу и быть готовыми объяснить причину. Если у кого-то они есть, но он не признается, а мы найдем, это сразу будет купленным на тот свет билетом.

Никто из собравшихся не признался в том, что писал видео. Полная и тщательная проверка каждого на предмет устройств записи заняла около пятнадцати минут, но ничего обнаружено не было.

И это хорошо.

Хорошо, потому что все не так уже и плохо.

Меня пока просто хотели убить. Всего лишь. Просто и банально выключить из событий, а не пощекотать проверкой на предмет определения уровня моих способностей.

Как-то после осознания этого сразу проще жить стало – с пониманием того, что меня еще считают за обычного выскочку. А не серьезного – я имею в виду мой недавний уровень, противника.

Удивление, которое я испытал, когда, в буквальном смысле уничтожая небоскреб Некромикона, по мне из всех стволов начали работать сразу четыре штурмовых конвертоплана, я хорошо помню. И то удивление мне совсем не понравилось.

Как центр Хургады исчезал во вспышке ядерного взрыва, тоже помню – и повторять подобное не хочется. Теперь хочется заранее и более полно знать, чего именно от меня ждет вероятный противник и чего от этого самого противника ожидать.

Конечно, после сегодняшнего статус моей оценки как угрозы повысится: о Чумбе, о его способностях, узнают. Но одно дело, когда все это будет на словах, которые по привычке умные люди будут делить даже не на два, а на десять и двадцать; и совсем другое – если произошедшее было бы записано на видео. Тогда о нечеловеческих способностях мутанта точно стало бы известно достоверно.

Пока же козырная информация о возможностях бурбона останется только у нас. Ну а уходящие на сторону сведения о том, что у меня есть боевая химера, наоборот, в плюс. Как раз еще один шаг к грядущей возможности участия в нелегальных боях.

Пока Войцех, которого контролировал Чумба, одного за другим осматривал собравшихся уважаемых людей, Василий оттащил подальше трупы и разложил оружие несостоявшихся убийц на куске грязного полиэтилена.

Одним из стволов оказался пистолет-пулемет Ингрэм – компактный, чуть больше обычного пистолета размером. И выглядящий как грубый металлический прямоугольник, в который снизу воткнули рукоять с магазином; спереди торчит короткий огрызок дула, сзади кривая рамка выдвижного приклада.

Очень своеобразное оружие: без банки глушителя сильно несбалансированное, а режим стрельбы только автоматический, так что ствол задирает немилосердно. Да и разброс невероятный – с двадцати метров уже просто в мишень попасть проблематично более чем парой пуль. Еще и стрельба с открытого затвора, что чревато. Зато Ингрэм отлично подходит для скрытого ношения, а еще для того, чтобы разово в упор засадить в кого-то длинную очередь. Ну и выглядит он круто – для тех, кто часто оружие как аргумент вынимает.

Три пистолета привлекли внимания больше. Это были даже не пистолеты, а... наверное, эту конструкцию можно было обозвать тактический автоматический пистолет. Размером со Стечкина, у каждого из рукоятки выдается удлиненный магазин на тридцать патронов, а спереди под углом дополнительная «тактическая» рукоять. Это уже больше похоже на что-то дельное.

Взяв один из пистолетов-переростков, я примерился. Лег он в руки удобно, как и жил тут. Весьма, весьма, оценил я: если на коротких дистанциях, тем более в тесных коридорах или проулках, самое то для гангстерских или противогангстерских войн. Да и тридцать девятимиллиметровых пуль в упор, очередью, даже полицейскую среднюю броню если и не пробьют, то носителя удивят и, возможно, даже ошеломят. Как я смог когда-то ошеломить корпората во время смертельного матча в Высоком Граде, который вела незабываемая старушка Клаудия.

Все собранное оружие было ярко, так же как и одежда убийц, раскрашено. Причем краска – попробовал я скovyрнуть намалеванный хвост дракона (а может, и ящерицы) со ствольной коробки – выглядит на удивление свежей. Ну да, красили совсем недавно, придавая оружию «уличный», дерзкий и резкий вид.

Положив пистолет обратно на кусок полиэтилена, я поднялся. Поле чего разрешил и уважаемым людям встать для продолжения разговора. Когда все вновь выстроились в шеренгу, пошел на второй заход беседы.

– Некоторые из вас были вчера в кафе «Четыре угла» и слышали мои слова о том, что вежливость – основа дипломатии и здоровых отношений между людьми. И по мере возможности я стараюсь быть с вами предельно вежливым. Но в то же время я прекрасно знаю о том, что насилие разрешило самое большое количество конфликтов между людьми. Поэтому, чтобы вы понимали, как в дальнейшем будут складываться наши с вами отношения, – я всегда буду просить вас вежливо что-то делать либо же что-то не делать. Один раз. Не два, не три. Один. Если же моя просьба не будет выполняться, в ход пойдет насилие. Это ясно?

По рядам прошел нестройный гомон – показывая, что слова мои усвоены.

– Итак, возвращаясь к тому, с чего мы начали нашу беседу, которой помешали вот эти вот отклонявшиеся организмы, – кивнул я в сторону груди тел. – Меня зовут Драго Младич, и я новый хозяин Полигона. Со следующей недели здесь постепенно начнут вводиться новые порядки и правила, соблюдения которых я намерен требовать неукоснительно. Вскоре наш район начнет жить по законам божьим и человеческим, и мы, без преувеличения, начнем путь к тому, чтобы стать нормальными людьми.

Сделав паузу, я немного подождал, давая возможность собравшимся осознать услышанное.

– Так получилось, что в этот район пришел я. Так получилось, что это мой новый дом. Но, – оглянулся я вокруг, сделав широкий жест, – я пришел и увидел, что за моим новым окном насрано. Мне это не нравится, а значит, нам предстоит здесь хорошо убраться. Я сам лично буду здесь убираться. С вами или без вас.

Сегодня среда, а с понедельника у нас начнется новая жизнь. К завтрашнему вечеру мне от вас нужно описание того, что работает у нас в районе. Какие точки сбора мусора кто из вас контролирует, где продают вещества, где нанонаркотики и нейрохимию, где торгуют телами для секса, и все такое прочее. Абсолютно все, кто чем занимается на Полигоне из того, что приносит и что не приносит доход.

Сделав паузу, я выдохнул. На этом месте я должен был озвучить пару своих идей, которые должны были вызвать... так скажем, провокационные бурления. Но вчерашний мой перформанс с бвана Ибове эти бурления уже вызвал, приведя сюда четырех убийц. Так что я отложил анонсы нововведений на потом. Успеется еще, сразу все козыри выкладывать не буду.

Но речь закончить надо.

– Допускаю, что вы все сейчас немного напуганы или озадачены только что произошедшим. Я, если честно, сам в шоке, могу честно признаться. И я сейчас очень сильно расстроен тем, что меня кто-то пытался убить, причем сделать это, даже не представившись. Поэтому я очень хочу знать, какой именно трусливый земляной червяк посмел задрать в мою сторону лапу. Сейчас, сразу после завершения собрания, каждый из вас подойдет ко мне и, если будет на то желание, скажет мне лично о том, кого именно он в случившемся подозревает.

Даже не обладая ментальными навыками, я почувствовал, как мгновенно напряглась толпа передо мной.

– Не волнуйтесь. Чтобы вы сильно не переживали: «не знаю» – это тоже ответ, который я вполне приму. Конечно, если в будущем узнаю, что кто-то из вас мне солгал... ну, это уже другая, грустная история. Пугать не буду, вы все здесь и так пуганые. Итак, давайте повторим пройденный материал: со следующего понедельника у нас начинается новая жизнь. И все, что работает на Полигоне, будет работать только с моего разрешения. Если разрешения нет, то я буду прибегать к насилию. На сегодня это все, что я хотел вам сказать, сейчас прошу вас подходить по одному ко мне, а после к Василию, – быстро свернул я беседу.

Перед тем как ко мне начали подходить, я уже, в принципе, предполагал, как решать заданный ребус наемными убийцами. Не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять, что показательное убийство должен был совершить тот, кто должен был после показательной казни занять место бвана Ибове. И сохранить старый порядок, который позволяет получать доход с... да с веществ наверняка.

Самые весомые статьи преступного дохода на криминальном дне Занзибара – это расширяющие или сужающие сознание вещества, ускорители, а также торговля сексом. Оружие отпадает: из-за строгости с распространением на Занзибаре его на каждом углу купить нельзя, как в Высоком Граде. Зато здесь цветет торговля фармой – усиливающими на кратковременный срок возможности организма стимуляторами.

Помимо обычных наркотиков, на острове распространены нано- и цифровые наркотики. Но они, как и разгонные вещества, здесь, на Полигоне, явно не востребованы – у местных просто нет столько денег. Кроме того, ни одной проститутки вокруг я до сих пор не видел – мусорщики в массе слишком бедны для них. Те, у кого есть деньги, за этим удовольствием направляются в соседний Джанктаун.

А значит, остается только доход с наркочилеров, потому что на вещества, пусть самые дешевые, на любом уровне жизни деньги находятся. И тот, кто с этого доход, пусть и небольшой, имел, вчера определенно неприятно удивился, когда я контролирующего все это дело бвана Ибове пристрелил.

Значит, что? Правильно – *cui prodest*, ищи, кому выгодно. Все предельно просто. Остается лишь одно – узнать, кто бенефициар наркочторговли на Полигоне.

Все двадцать с лишним человек между тем довольно быстро прошли через меня. Кто-то прятал глаза, кто-то смотрел прямо, кто-то мялся, кто-то держался бесстрастно. Предположения высказали почти все, причем мнения разделились: примерно половина считала, что заказали меня каннибалы Кигунгули, вторая половина – что итальянцы из группировки Санта-Кроче.

Это стало для меня некоторым сюрпризом. Не думал, что профит с наркотиков здесь, на таком маленьком Полигоне, сразу две банды получают.

Каждого из высказывающих мнение уважаемых людей я благодарил кивком, а после отправлял к Василию назначать встречу. Тот уже отправился в дом, где в одной из спален, переоборудованной в кабинет... правда, переоборудование заключалось в том, что с пола убрали спальники и поставили притащенный с помойки пластиковый стол. В общем, в своем кабинете Василий принимал людей, готовясь составлять для меня карту активности района. Конечно, карта, им составленная, будет с ошибками, но мне нужно, чтобы Василий сам совершал эти ошибки, а после сам же их и исправлял. Именно так закаляется сталь, а если всем заниматься самому – меня одного не хватит.

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/4ae>